

Константин Бальмонт

СОНЕТЫ СОЛНЦА, МЕДА И ЛУНЫ

Песня миров

Слово песни – капля меда,
Что пролился через край
Переполненного сердца.

Испанская песня

ЧЕРТОГ

*Из пламеней и лепестков червонных,
Из быстрых искр от скока конских ног,
Из тех боев, где бьется рог о рог,
Из рева бурь и гласа гудов звонных,*

*Из фиамов сине-благонных,
Из слов, которых вымолвить не мог,
Я принял весть и выстроил чертог
Из тайновестей этих раскаленных.*

*В чертоге, где прядет моя мечта,
Сплетаются несчетные покои.
В нарек скрестилась в нем с чертой черта.*

*Огнями созревает темнота.
В углах сосуды, где в густом настое
Хмелеет сказка и цветет алоэ.*

ПОЭТ

Решает миг, но предрекает час,
Три дня, неделя, месяцы, и годы.
Художник в миге – взрыв в жерле природы,
Просветный взор вовнутрь Господних глаз.

Поэты. Братья. Увенчали нас
Не люди. Мы древней людей. Мы своды
Иных планет. Мы духа переходы.
И грань – секунда, там где наш алмаз.

Но, если я поэт, да не забуду,
Что в творчестве подземное должно
Вращать, вращать, вращать веретено.

Чтоб вырваться возможно было чуду,
Чтоб дух цветка на версты лился всюду,
Чтоб в душу стих глядел и пал на дно.

КОТЛОВИНА

Пожар – мгновенье первое Земли,
Пожар – ее последнее мгновенье.
Два кратера в безумстве столкновенья,
Несясь в пустотах, новый мир зажгли.

В туманной и пылающей пыли,
Размерных вихрей началось вращенье.
И волей притяженья-отторженья
Поплыли огневые корабли.

В безмерной яме жгучих средоточий,
Главенствующих сил ядро легло,
И алым цветом Солнце расцвело.

Планеты – дальше, с сменой дня и ночи.
Но будет час. Насмотрятся все очи,
И все планеты рушатся в жерло.

ОГНЕННЫЙ МИР

Там факелы, огневзнесенья, пятна,
Там жерла пламенных котловин.
Сто дней пути – расплавленный рубин.
И жизнь там только жарким благодатна.

Они горят и дышат непонятно.
Взрастает лес. По пламени вершин
Несется ток пылающих лавин.
Вся жизнь Огня сгущенно-ароматна.

Как должен быть там силен аромат,
Когда, чрез миллионы верст оттуда,
Огонь весны душистое здесь чудо.

Как там горит у Огнеликих взгляд,
Коль даже мы полны лучей и гуда,
И даже люди, полюбив, горят.

ПЛАМЕННИК

Пора мне начертать псалом ночам и дням,
Пора отобразить желание созвучий,
Которое всегда сквозит в растущей туче,
Узорчато ее меняя по краям.

Из капелек росы, из чернооких ям,
Из бочагов, прудков, с полей, лугов и кручи
В неуловимости незримый, но певучий,
Восходит медленно до солнца фимиам.

До Солнца не дойдет. Но, выманен лучами,
Сгустится дымами. Придвинет к хоти хоть.
Да в слово плоть войдет, и слово станет плоть.

Вот молния дрожит. Грозит и жжет очами.
Дозволь упиться мне и днями, и ночами.
Я пламенник, я твой, дозволь сверкнуть, Господь.

ЖЕРТВА

Когда зажглась кроваво, свет взвивая,
Полнеба охватившая заря,
Казалось, на высотах алтаря
Небесного там жертва есть живая.

Был зноен день. Всю влагу испивая,
Жара дымилась, деланье творя.
И каждый лист рабом был для царя
Единого, чья воля – огневая.

Озер и рек обильный водоем
И каждая росинка от побега
Поникших трав вспоили хлопья снега –

Поток лавин в объеме тучевом.
Весь мир застыл. В той душной пытке нега.

И огонь, вещая ливень, рушил гром.

ЗВЕЗДНЫЕ ЗНАКИ

Творить из мглы, расцветов и лучей,
Включить в оправу стройную сонета
Две капельки росы, три брызга света
И помысел, что вот еще ничей.

Узнать в цветах огонь родных очей,
В журчаньи птиц расслышать звук привета,
И так прожить весну, и грезить лето,
А в стужу целоваться горячей.

Не это ли Веселая Наука,
Которой полный круг в расцвете лет
Пройти повинен мыслящий поэт?

И вновь следить в духовных безднах звука,
Не вспыхнул ли еще не бывший след
От лета сказок, духов и комет.

ГОРНОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Безмолвие нагорной высоты,
Молчания узорные хоромы,
Провалы, светояры, крутоёмы,
Противоглыбы разной остроты.

Дойди до самой сказочной черты,
Внеси свой дух на крайние изломы,
Туда, где дома – молнии и громы,
Где резок свет стремнинной пустоты.

Смотри. Где вся природа необычайна,
Какой она не может быть везде,
Где небо ближе к озерной воде,

Где бездна звезд в тиши ночей бескрайна,
Над пропастью глядит цветок к звезде,
Чтоб даже здесь благоухала тайна.

ТА, КОТОРОЮ ДВИЖУТСЯ ЗВЕЗДЫ

Из раковины музыка морская,
И музыка из горла соловья.
Условие и краска бытия.
Всегда одна. Всегда везде другая.

В простом венке. Всем жаждам дорогая.
Хотящая промолвить: «Я твоя».
Кто к ней пришел? Он я и он не я.
В ней дышит Вечность, в миге пробегая.

Цветок, который ждет, чтоб развернуть
Непознанность красивой пышной чаши.
Звезда, где чары наши и не наши.

Дремучий лес, в котором будет путь.
Она когда-то и когда-нибудь.
Желанье Солнца грезу сделать краше.

РАССВЕТ

Едва озарены верхушки гор.
Еще не вышло гордое светило,
В котором всем земным восторг и сила.
Сейчас оно начнет дневной дозор.

Под белой дымкой зеркало озер.
Цветы еще закрытые кадила.
Долины спят. Но тьма уж уступила.
И только знака ждет старинный бор.

Купавы, словно дремлющие луны.
Все шире свет. Все ярче горный храм.
Расплавленный рубин по ледникам.

Весь мир земной – натянутые струны.
Скорей. Скорей. Мы снова будем юны.
И ток огней ударил по струнам.

ЧТО СО МНОЙ?

Что сделалось со мной? Я весь пою.
Свиваю мысли в тонкий строй сонета.
Ласкаю зорким взором то и это.
Всю Вечность принимаю как мою.

Из черных глыб я белое кую.
И повесть чувства в сталь и свет одета.
Во всем я ощущаю только лето,
Ветров пьянящих теплую струю.

О, что со мной? Я счастлив непонятно.
Ведь боль я знаю так же, как и все.
Хожу босой по стеклам. И в росе

Ищу душой того, что невозвратно.
Я знаю: это – Солнце ароматно
Во мне поет. Я весь в его красе.

ПИР

Пир огненныйверху уже готов.
Горячий ток дошел до нижних далей.
Повесил по ветвям наряд вуалей,
Так скоро после дней разлома льдов.

На вербе кучки пахнущих цветов.
Зима разбила скрепы всех скрижалей.
Взамену вьюг, взамен свинца печалей
Качанье золотых колокольников.

Мой лютик. Лютик. Ты совсем не лютый.
Купальницы. Бубенчик. Ты звенишь.
Упоеваюсь ласковой минутой.

Пред пиршествам торжественная тишь.
Синее синь. И с громом в туче вздутой
Расцвел Огонь лозою перегнутой.

ОНО ПРЕКРАСНО

Оно прекрасно ласкою привета.
Всегда слепые смотрят на него.
И чувствуют. И любят. Оттого,
Что в нем огонь есть нежный кроме света.

Оно в сознании расцветает лето.
Кто счастлив здесь, он счастлив чрез него.
Лишь им живое в мире не мертво.
Лишь с ним мечта рубинами одета.

Я опускаю веки и смотрю,

Я вижу. Сказка крови бьется ало.
В моих глазах я чувствую зарю.

Какое слово в Вечность побежало?
Я с Тем, пред Кем не властны яд и жало.
От Солнца к Солнцу я свечой горю.

УМЕЙ ТВОРИТЬ

Умей творить из самых малых крох.
Иначе, для чего же ты, кудесник?
Среди людей ты Божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был Бог.

В лугах расцвел кустом чертополох,
Он жесток, но в лиловом он прелестник.
Один толкачик знойных суток вестник.
Судьба в один вместиться может вздох.

Маэстро итальянских колдований
Приказывал своим ученикам
Провидеть полный пышной славы храм

В обломках камня и в обрывках тканей.
Умей хотеть, и силою желаний
Господень дух промчится по струнам.

ЦВЕТОК

Цветок – мечта расцветшего растения,
Пробившего свой путь из тьмы земли,
Цветок – костер, что духи нам зажгли,
Верховный знак творящего хотенья.

Веселых красок в пляске восхожденье,
Победа грезы в прахе и в пыли,
Блеск радуг, пронизавших хрустали,
Путь в Вечность чрез минутное виденье.

Цветок с цветком ведет душистый спор,
Волнуя, убеждая и влюбляя,
Цветок цветку – планета молодая.

Таинственный о счастье разговор.
И вестники цветов в их звездном храме –
Лишь существа с звенящими крылами.

СОНЕТЫ СОЛНЦА

Сонеты солнца, меда, и луны.
В пылании томительных июлей.
Бросали пчелы рано утром улей,
Заслыша дух цветущей крутизны.

Был гул в горах. От солнца ход струны,
И каменный баран упал с косулей,
Сраженные одной и той же пулей.
И кровью их расцвечивал я сны.

От плоти плоть питал я, не жалея
Зверей, которым смерть дала рука.
Тот мед, что пчелы собрали с цветка,

Я взял. И вся пчелиная затея
Сказала мне, чтоб жил я не робея,
Что жизнь смела, безбрежна и сладка.

ПОЛДЕНЬ

С утра до полдня в духе я певучем,
Со всем земным я все же не земной.
Я восхожу с растущей волной,
До полдня, к солнцу, к тем горнилам жгучим.

Найдем, сверкнем, полюбим и замучим,
Занежим семицветной пеленой.
К черте расцвета. К музыке. За мной.
Внесем дары и приобщим их к тучам.

Но вдруг в душе означится излом.
Пронзит предел восторженность сгоранья.
Двенадцать. Солнце кончило игранье.

Хоть вы придите, молния и гром.
До завтра мгла и ощупь собиранья.
Но завтра утро вновь качнет крылом.

ОГНЕВЗНЕСЕНЬЕ

Луна была сгущенной чернотой,
Она являлась диском строго-черным.
А над чертой ее, огнем узорным
Сияла алость, млея красотой.

Вокруг – венец лучисто-молодой
С серебристым изливанием повторным,
Нежней, чем свет зари по высям горным,
Костер, зажженный огненной мечтой.

Воздушных роз расплавленность и мленье,
Сто тысяч верст циклонная игра
Живого серебра, его свеченья.

Но вот луне содвинуться пора.
И солнце потопило выявление
Священной пляски, пир огневзнесеня.

ИЗ ПРОПАСТЕЙ

Я знаю, что вначале было Слово,
Что было у Предвечного оно,
С которым было мысли суждено
Расстаться, чтоб к Нему стремиться снова.

Из пропастей эфира неземного,
Из областей, где невозможно дно,
Идет к звену блестящее звено,
Куя чертог, крепя сапфиры крова.

Вскрываются безмерные цветы,
Чтоб было легче в тягостях разлуки,
Чтоб протянуть к чему нам было руки.

Извечна млечность круглой высоты,
В ночной душе звездятся к Небу звуки,
Все миги дней – кануны Красоты.

СРЕДИ ВИДЕНИЙ

Среди видений разных вещества
Упился Дух несчетностью уборов.
Я здесь люблю не будни разговоров,
А празднично-размерные слова.

Лишь полнотой признанья мысль жива,

Вся музыка согласий и раздоров.
Мне нравится в лесах тяжелый боров
И быстрая в лесной реке плотва.

И джунглях тигр, и слон многообъемный,
И длинный червь, что в кучку строит грязь,
Не те же ль это знаки сказки темной?

Не та же ли в них Божеская связь?
Есть миг в часах, когда все мысли кротки,
И вяжет ум рассыпанные четки.

ДРЕВО

Ствол древа кряжист. В светах изумруда
Вершина ускользает в синеву.
Все сны его я вижу наяву
И слышу миллионный голос гуда.

Уходят корни в глубь ночей, откуда
Я в сказке листьев ввысь всегда плыву.
День жаворонка манит, ночь – сову,
Но голос их – все тот же шорох чуда.

Из-под ушедших вплоть до звезд корней
Бьют родники и выползают змеи,
Вверху, внизу ли звездные затеи.

И вкось ствола на всем пространстве дней
Бег золота, – не знаю, белка или
Зыбь грезы молодой на Игдрозиле.

МИР

Как каждый лист, светясь, живет отдельным
Восторгом влаги, воздуха, тепла,
И рад, когда за зноем льется мгла,
Но с деревом слит существованьем цельным –

Так я один в пространстве беспредельном,
Но с миром я, во мне ему хвала,
Ему во мне поют колокола,
Через него я стал певцом свирельным.

В течениях причинностей плыву,
Как степь плывет под ветром ковылями.

Молюсь в ночах в многозвездистом храме.

Пью жадными глотками синеву.
И ствол растет из звезд, умножен нами,
Любовью, делом, подвигом, и снами.

ИГРА

Играет солнце, вокруг меняя луны,
И проводя бесчисленность планет.
Играет в ночь всегда победный свет.
Назавтра вновь лучи протянут струны.

Моря в игре баюкают буруны,
Вот снова тишь, движенья в море нет.
И любит Вечность смену дней и лет,
Но это все – лишь часть единой руны.

Сознание, понять тебе пора,
Что все твои несчетные виденья –
Суть два лица того же наслажденья,

Что в Вечности всегда идет игра.
Но, чтоб в мирах глубоки были игры,
Должны быть в мире молнии и тигры.

МЫСЛЬ

Мысль человека любит забывать.
Чтоб вновь припоминать свои извивы.
Кто был кентавром, тот движенье гривы
Порою любит как родную мать.

Я был конем. И больше утверждать
Могу, свои припомнив переливы.
Металлы и кристаллы так же живы,
Как всех крылатых веющая рать.

Слагая, раздвигая, рдея, рея,
Я пробежал бесчисленность миров.
Нет большего на свете чародея,

Чем мысль. Играя числами веков,
Путь от медузы в звон – моя затея.
Лишь изменяю сплав колоколов.

ЗВЕНЬЯ

В морях лазоревых усеяно все дно
Неисчислимыми слоями звездной пыли.
Влияние планет в подводном скрыто иле,
Земля закована в небесное звено.

Когда в ночах, кружась, жужжит веретено,
В душе встают черты давно увядшей были.
Есть в сердце комнатки, где мы не позабыли
Все, с нами бывшее, не здесь, давным давно.

Необъяснимые в нас царствуют пристрастья,
Пред тем или иным непостижимый страх.
А изъяснение записано в зрачках.

Увидит взор души идущее несчастье.
И радость зыбится в неясных письменах,
Слагая ряд примет в желанное запястье.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Пройди от фиолетовых до красных
Все красочные в радуге пути.
Чтоб тайное вещание найти,
Взгляни в живой венец расцветов страстных.

Влюбись в фиалку. Незабудок ясных,
Осок нарви. И лютик расцвети.
Настурций куст меж маков помести.
И роз возьми, из самых полновластных.

Приблизься к ним. Читай глазами их.
Вдыхай. Пьянись всей тайной их загадок.
Пчеле миг встречи с венчиками сладок.

От лепестков струится вихрем стих.
Ты к молниям пришел. Подслушай их.
Они поют сонетами из радуг.

ПОЛНАЯ ЧАША

Цветок с цветком, цветы поют цветам,

Всей силой посылаемых дыханий,
Струей пылицы, игрой восточных тканей,
Приди, любовь, я все тебе отдам.

И слышно здесь, как пламенеет там,
За гранями, кадилница сгораний,
Жасмины, розы, головни гераней,
Пожары, посвященные звездам.

Пока на дне небес проходят токи,
Певучие ряды, к звезде звезда,
Влюбилась в берег здешняя вода.

Два облика. Они зеленооки.
И слышен вздох: «Тобою счастлив я».
И вторит нежный вздох: «Твоя. Твоя».

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Любить – живых учила красногрудка.
Вся серая была она в раю.
Сидела на утесе, на краю.
А мир кругом был смех и вскрик и шутка.

И думала крылатая малютка: –
«О чем они? О чем и я пою?
Любить не нужно все. А лишь мою».
И в этот миг у ней зарделась грудка.

И птичка полетела по кустам.
Тогда впервые заалели розы,
Гвоздики, маки, целый алый храм.

И кровь любовью брызнула к сердцам.
И молния, узор небесной грезы,
Велела быть грозе и лить дождям.

УДЕЛ КРЫЛАТЫХ

Две птички видеть – нежно и досадно.
Их две, так, значит, нет здесь ни одной,
А будет третья, чтоб опять весной
Вдвоем единый лик разрушить жадно.

Когда ж одна – как жалко, безотрадно.
Она в тревоге. Сердце шепчет: «Пой!»

И вот поет, чтоб взятой быть судьбой,
И, здесь пожив, лететь к чужбине стадно.

Люблю я все же более – одну,
Когда она поет, дрожа, тоскуя,
Душа к душе, в желанье поцелуя.

Высокий миг – создать свою струну,
Струить жемчужный дождь, сердца волнуя.
Свой жемчуг лить в чужую глубину.

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Природа – прихотливейший творец.
От простоты всегда уходит в сложность.
Ей побеждать желанно невозможность,
Повсюду рассыпать дожди колец.

Нигде не говорит она: «Конец».
Чуть сотворит, и тотчас, осторожность
С мечтой сливав, крепит свой храм Всебожность,
Играя миллионами сердец.

По клавишам несчетных ощущений
Бегут персты, легчайшие, чем сон.
Гудит от звезд дрожащих небосклон.

Еще цветов, зверей, и снов, и рдений.
И лестница всемирных расхождений
Растет, а прихоть – строгий здесь закон.

ЗНАНИЕ ВНЕ ЗНАНЬЯ

Есть знание вне знания в существах.
Внушаемость. Открытость вечным чарам.
Мир никогда, живя, не будет старым,
Пока есть сердце, жгучий есть размах.

В животных, в рыбах, в птицах и жуках
Есть власть светиться тем цветным пожаром,
Что, рдея, по зеленым льется ярам
И искрится алмазами в снегах.

Соотношенья красок. Здесь не только
Самозащита от зловражьих глаз,
Но просто лад, втекающий в рассказ.

Когда порхает маленькая молька,
Она изображает Смерть и Ночь.
Ты жил? Усни. Ты был? Уйдем же прочь.

ЗЕРКАЛО В ЗЕРКАЛО

Чтоб дух горел в чарующем алмазе
И мысль играла в радугу и гром,
Идут пиры в пространстве мировом,
Различья форм, цветных разнообразий.

Светло лететь по зову звездных связей,
Красиво каплей, чей так мал объем,
Упасть с высот в звенящий водоем.
Быть звуком в убедительном рассказе.

Мне чудится, что, если любим мы,
И милой сердцем ткем наряд венчальный,
В пустыне звезд, как в музыке зеркальной,

В тот час поют всезванные псалмы,
Как здесь снежинки в светлый миг зимы
В душе у нас рождают стих кристальный.

БРОНЗОВКА

У бронзовки, горячего жука,
Блестящего в дни майского горенья,
Полдневней, чем у майских, власть влюбленья,
И цвет зеленых крыл – как лист цветка.

В нем краска изумруда глубока
С игрою золотого оттененья.
Здесь солнцем и землею завлечение,
Здесь долгая влюбленность в свет листка.

Сознание гармонии окраски,
Упорно ощущаемое тем,
Кто пламенно живет, хоть с виду нем.

Внушаемость теченьем общей сказки.
Так у детей горят как звезды глазки:
Ведь дух детей открыт созвездьям всем.

ПАВЛИН

Как исполинский веер, хвост павлина,
С большим числом изящнейших зрачков,
Раскроется, как россыпь синих ков,
Чарует, как лазурная картина.

Самец с покорным ликом властелина,
Бросающего множество даров,
Быть красочным еще и вновь готов,
Чтоб породить с царицей дочь и сына.

Но в таинство рождения вступить
Чрез таинство любовного слиянья.
Таинственная чувств и мыслей нить.

Порабощенье волею сиянья.
Созданье красок, грез и расцветанья,
Чтобы один глоток любви испить.

ТАЙНА РАКОВИН

Есть в очертаньи раковин морских
Извив волны лазурной океана.
Есть отсвет в них огней зари, что рано
И поздно льет в волну жемчужный стих.

В них есть и лунный свет, что нежно тих
И чародеен в час, когда Светлана
Восходит, розовата и медвяна,
И ворожит течение чар густых.

Глубинные – приемлют трепетанья,
Покорно подчиняясь без конца
И раскрывая створки, как сердца.

А в той, что всех открытей пьет влиянье,
Слиянный поцелуй созвучных сил
Себя, как грезу, жемчугом явил.

ТАНЕЦ ЛЮБВИ

Над той чертой, где льнет до суши море,
Я видел: в дне сентябрьском пронеслось

Сто тысяч обнимавшихся стрекоз,
Летя попарно в этом дружном хоре.

Как рой счастливых душ вились в просторе.
К закату, выше моря, трав, и рос,
Как будто звал их лучевой откос,
И подчинились нежные, не споря.

До солнца. К тем расплавленным огням.
К рубинам, утопающим в опале.
Неслись. Взнеслись. Растаяли. Пропали.

Летя по лучезарным ступеням
К горнилу зорь. Завлечены багрянцем.
Циклоном огненным. Любовным танцем.

КАБАРГА

Хранит самец пьянящий дух в мешочке,
И, как цветок, приманивает мух,
Так кабарга-самец для молодух
Таит духи в волшебном пузырьке.

Идет, роняя мускусные точки.
Неволящий, несущий чары дух,
Любовь чрез запах размышляет вслух,
Набат к любви струят кусты и кочки.

Плывет, зовет, звонит и ранит мгла.
Как дождь жемчужный, цвет повис черемух.
Сосна, и та от страсти расцвела.

И там, где орхидеи на изломах
Утесы расцвели, как снега,
В безумном духе любит кабарга.

ШЕСТВИЕ КАБАРГИ

Влюбленная проходит кабарга,
Средь диких коз колдунья аромата.
Вослед нее пахучая утрата,
Под ней душисты горные луга.

Пьянящий мускус. Смыты берега
Бесстрастия. Любовь здесь будет плата.
И любятся с рассвета до заката.

Но прежде – бой. В любви сразить врага.

Самец самцу противопоставит бивни.
Алеют у сильнейшего клыки.
Сперва гроза. Лишь за грозой ливни.

Ждет самка. В мире бродят огоньки.
В одном любовном запахе и рае
Сибирь, Китай, Тибет и Гималаи.

ЦВЕТ СТРАСТИ

Багряный, нежно-алый, лиловатый,
И белый-белый, словно сон в снегах,
И льющий зори утра в лепестках,
И жаркие лелеющий закаты, –

Пылает мак, различностью богатый,
Будя безумье в пчелах и жуках,
Разлив огня в цветочных берегах,
С пахучей грезой сонно-сладковатой.

Когда же он роняет лепестки,
Ваяет он кувшинчик изумрудный,
Где семя накапливает с властью чудной.

Сны напевать. В тех снах – объем реки.
Дневное – в зыбях, в дали многогудной.
И хмель густой вместил века в цветки.

ПЧЕЛА

Мне нравится существенность пчелы,
Она, летя, звенит не по-пустому,
От пыльника цветов дорогу к грому
Верней находит в мире, чем орлы.

Взяв нектар в зобик свой, из этой мглы
Там в улье, чуя сладкую истому,
Мед отдает корытцу восковому,
В нем шестикратно утвердив углы.

Из жала каплю яда впустит в соты,
Чтоб мед не забродил там. Улей – дом.
Цветы прошли – пчела забылась сном.

Ей снится храм. В сияньи позолоты
Иконы. Свечи. Горние высоты,
И хор поет. И колокол – как гром.

НЕЗРИМЫЕ ИСПОЛИНЫ

Огромная объемность инфузорий,
Незримая среди безвестных троп,
Мгновенно зрима, лишь взгляни в потоп,
Чрез волшебство побудь в кишасщем хоре.

Вот, капля влаги – бешеное море.
У каждой твари есть и рот, и лоб.
Одна другой – живой и жадный гроб.
Их мчит циклон. Их жизнь – в горячем споре.

Одна – как некий исполинский зонт.
Другая – конь в кошмарном сновиденье.
Какой у них безмерный горизонт.

Нет, малы не они, а наше зренье, –
Как лишь размерно грузен мастодонт
В ликующих пирах миротворенья.

ЗВЕРЬ

Сто сорок саженой чудовищной длины,
Приди в четырнадцать размерного сонета.
Тот земноводный зверь, он ведал только лето
И смену летних дней на пламени весны.

Левиафан морей, где грузный ход волны
Был продвижением тяжелого предмета.
И воздух был густой. И мало было света.
Но жаркие пары пыланьем пронзены.

Здесь мало что уму. Но все для сладострастья.
Хранилище любви, спинной его хребет
Был длительная хоть, где размышленья нет.

Он в летописи дней – одна страница счастья.
Я думаю о нем, когда погаснет свет,
И за стеной моей, и в сердце стон ненастья.

ЛУНА И СОЛНЦЕ

Луна, через меня, струит мечту,
А солнце через свет творит созданья.
Но сердцу что виднее, чем мечтанье?
Напев луне наряднее сплету.

Как солнечную встретить красоту?
Немею в ослепленьи обаянья.
Я с солнцем знаю счастье ваянья,
С луной горю и гасну налету.

Всего видней летучее горенье.
Ваянья ломки. Устает рука.
Ручей поет звучнее, чем река.

Мечта – правдиво-нежное влюбленье.
Она прядет из зыби огонька.
Огонь погас. Но зыбь живет века.

ЧЕЛОВЕК

Весь человек есть линия волны.
Ток крови в руслах жил, как по ложбинам.
Строенье губ, бровей, зрачок с орлиным
Полетом к Солнцу. Волны. Струи. Сны.

Мы влагой и огнем воплощены.
И нашу мысль всегда влечет к глубинам.
И тот же знак ведет нас по вершинам.
Нам любо знать опасность крутизны.

От Солнца мы, но мы из Океана.
Индийский сон. На влаге мировой,
На вечном мигу лик являя свой, –

С зарей, велящей просыпаться рано,
Раскрылся чашей лотос голубой.
И бог в цветке. А жизнь цветка медвяна.

СОН ДЕВУШКИ

Она заснула под слова напева.
В нем слово «мой», волнение струя,
Втекало в слово нежное «твоя».

И в жутко-сладком сне застыла дева.

Ей снилось: нежно у нее из чрева
Росла травинка, брызгал плеск ручья.
Красивая не страшная змея
Ласкалась к ней. И стебель вырос в древо.

Ушли густые ветви в небеса.
В них золотились яблоки и птицы.
Качались громы, молнии, зарницы.

И вырос лес. И выросли леса.
И кто-то перстень с блеском огневицы
Надел на палец избранной царицы.

РЕБЕНОК

Ребенок, пальчик приложив к губам,
Мне подарил волшебную картинку.
Он тонкую изобразил былинку,
Которая восходит к небесам.

Горело солнце желтым шаром там.
Былинка, истончившись в паутинку,
Раскрыла алый цветик, котловинку,
Тянувшуюся к солнечным огням.

Цветок, всем лепестковым устремленьем,
Был жадно к лику солнца наклонен.
Но не с любовью, а с мятежным рденьем.

Хочу тебя превосходить гореньем.
И солнце, чтоб рубин был побежден,
Спустилось книзу с заревым смиреньем.

ПЕЧАТИ

Смотреть печати давних прохождений,
Расчислить спектр, пронзивший хрустали,
Читать страницы прошлого Земли,
Следы зверей, листы иных растений,

Почуять сонмы диких привидений,
Прозреть объем существ, как корабли,
Как грузные утесы, что могли
Сходиться для любленья и борений.

В застывшей янтаре цветной смоле
Увидеть четко маленькую мушку,
Вот как она гнала свою подружку,

Чтобы ее обнять в любовной мгле.
И чувствовать, что так же ты лишь строчка
В Поэме Мира. Всклик, вопрос и точка.

В ТЕ ДНИ

В те дни, когда весь мир был Океан
Среди морских неисчислимых лилий,
На празднике первичных изобилий
Бродил горячий творческий туман.

Еще не возникало разных стран.
Поденки-исполины, взмахом крылий,
Носились в полумраке без усилий,
И каждый хвощ был дикий великан.

Да папоротник в мертвенном болоте,
Что пресекало море кое-где,
Многосаженный, тень ронял к воде.

И тишь существ, беззвучных даже в лете,
Передалась красивейшей звезде,
Спустившей зерна жизни в позолоте.

НА ОГНЕННОМ ПИРУ

Когда я думаю, что предки у коня
В бесчисленных веках, чьи густы вереницы,
Являли странный лик с размерами лисицы,
Во мне дрожит восторг, пронзающий меня.

На огненном пиру творящего Огня,
Я червь, я хитрый змей, а быстрое крыло птицы.
Ум человека я, чья мысль быстрее зарницы,
Сознание миров живет во мне, звеня.

Природа отошла от своего Апреля,
Но наслоениями записаны слова.
Меняется размер, но песня в нем жива.

И Божья новая еще нас ждет неделя.

Не так уж далеки пред ликом Божества.
Акульи плавники и пальцы Рафаэля.

ДВА ДОСТИЖЕНИЯ

Два раза человек был в мудром лике змея:
Когда он приручил к своим делам огонь,
Когда им укрощен был дико ржущий конь, —
И покорить коня гораздо мудренее.

Огонь постигнутый горит, грозя и рдея,
Но подчиняется, лишь в плоть его не тронь.
А сделать, чтобы зверь был бег твоих погонь
Стократно трудная и хитрая затея.

В сказанье о Брингильде мы видим, кто сильней.
Оплотом сна ее служил не дуб, не камень,
А зачарованный непогасавший пламень.

Но проскакал Сигурд сквозь изгородь огней.
Был победителем, сказаньем званный Грани,
Ведомый духом конь в сверканье состязаний.

В ЖЕРЛЕ

Всей роскошью измен не вовсе смыт
Лик прошлого с уступами крутыми.
И я люблю прозреть, как в некоем дыме,
В жерле столетий бывший ярким быт.

Прильнул к земле застывший следопыт.
Он знает, что лощинами лесными
Пройдет табун. Кобылы, а за ними
Строй жеребцов. Чу! Дальний гул копыт.

Но нет. Но нет. Идут иные ноги.
Звук конских ног стройней. Он не таков.
Товарищи, скорее на быков.

Они идут, размерны, крутороги.
Аркан со мной. Лук со стрелой готов.
Еще крутится пыль на той дороге.

ЗВЕРОЛОВ

Когда царил тот сильный зверолов,
Что миру явлен именем Немврода,
Чуть зачинала сны времен природа,
И раем был любой лесистый ров.

Не кроликов и не перепелов
Он в сети уловлял. Иного рода
Ловить зверей была ему угода.
Взлюбил он коготь, клык, и рог, и рев.

Когда громадой в любострастном миге
Шел мастодонт мохнатый, разъярен,
Навстречу шел и улыбался он.

На зверя сбоку вдруг бросал вериги,
И записали в слове Древней Книги: –
«Сей начал быть могучим в сне времен».

ПЕЩЕРНИК

В пещере начертал он на стене
Быков, коней. И чаровали гривы.
Он был охотник смелый и счастливый.
Плясали тени сказок при огне.

Жена, смеясь, склонялася к жене.
Их было семь. Семьею говорливой,
Порою дружной, а порой бранчливой,
Все были только с ним в любовном сне.

Сидел поодаль он. И дух мечтанья
Его увел в неизвестную страну.
Он был там бледен. И любил одну.

В том крае были сказочные зданья.
Он был в них царь. И вдруг в его сознанье
Мечта вонзила звонкую струну.

МЛАДШИЙ

Ватага наохотилась и ела,
Хрустели кости лошадей и коз,
Вокруг костров. Там дальше был откос,
И он сидел у самого предела.

Он с краю был. Меньшой. Такое дело,
Как бить зверей, в нем не будило грез.
Он съел кусок добычи. Кость поднес.
Там дырка. Глянул. Дунул. Кость запела.

Обрадован, он повторял тот звук.
Журчащий свист. Он был похож на птицу.
Кругом смеялись. Но уж он цевницу

Почувствовал. Движенье ловких рук,
Отверстья умножали голос мук.
Всклик счастья. Он зажег свою зарницу.

ПОСВЯЩЕННЫЕ

Колебля легкий в воздухе убор,
Папирус молча смотрит в воды Нила.
На влаге белоснежное кадило,
Заводит лотос с утром разговор.

Изиде, Озирису и Гатор
Возносит песнь – живых сердец горнило.
Дабы в столетьях Солнце сохранило
Тех верных, не вступивших с богом в спор.

Познавшие все тайны смертной ямы,
И все пути, по коим ходит страсть,
Глядят жрецы, являя ликом власть.

Аллеи сфинксов. Обелиски. Храмы.
И разнимая розовую пасть,
Как идолы в воде – гиппопотамы.

КРАЙ ОЗИРИСА

Немой покой. Гробница мастабá.
На красноватом золоте Сахары.
Внутри – картины выявляют чары.
В Египте живы самые гроба.

Четырекратно ворожит Судьба.
Восток и Юг – горячие пожары.
Закат и Север – свет, когда мы стары,
Аменти, где окончена борьба.

Край Озириса, Гора и Изиды.
Папирус. Лотос. Пальма. Тamarиск.
Храм духа, светят алым пирамиды.

Могучий Ра высоко поднял диск.
И как копье оконченной обиды,
Как пламень камня – всходит обелиск.

ДВА МИРА

Я слушал голос древних посвященных,
Что пили солнце, как мы пьем вино,
С луной горели тайной заодно
И знали поступь духов в травах сонных.

Я слышал гул колоколов всезвонных,
Которым возвещать в простор дано,
Что выковано новое звено
Для душ, из смертных страхов изведенных.

Мне ближе те, которые древней.
И больше правды в лицах загорелых,
Безбрежное замкнуть в земных пределах

Не мысливших. Они в разбеге дней
Давали гроздь счастья ягод спелых.
И, кончив жизнь, легко прощались с ней.

КРУГОЗОР

Я знал в веках, как рухнул мастодонт,
Я строил западню объемной ямы.
Узнали дротик мой гиппопотамы.
Я вел в войне свирепый фронт на фронт.

Поздней, китайский свой раскрывши зонт,
Земле и Небу выстроил я храмы.
В другой стране восславил имя Браммы.
По кругу весь прошел я горизонт.

От Индии, где сказочны бананы,
И духов столько, сколько мушкары,
Я прочь ушел, иной ища игры.

И я люблю надречные туманы
И в дни декабрьской трезвенной поры

Разумных мыслей сны и караваны.

ПРИЗЫВ

Как птица ткач прилежно ткет узор,
Мешок гнезда, где красота скрепленья
Невольно вызывает изумленье,
Вися с ветвей над зеркалом озер, –

Как многогранен мухи зоркий взор,
Включивший в глаз многосторонность зренья, –
Как эскимос лишь хочет примиренья,
И воинский не делает убор, –

Так я, бродя по травяным пустыням,
От островов блуждая к островам,
Узнал, что правоверен каждый храм,

Где дух сполна прильнул к своим святыням.
О, братья мира! Гнев свой да покинем,
И строить в мире место будет нам.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Есть однодневка. Есть одноминутка.
И есть односекундка меж зверей.
В рядах периодических дробей
Спустишь к глубоководностям рассудка.

Предела нет. Стих прозвучал как шутка.
Он грозным стал. И преисподней всей
Не вычерпашь маленький ручей.
Счет жизней – счет снежинок первопутка.

Не кажется мне больше мастодонт
Необъяснимо тяжким и безмерным.
Вершок мой старый стал давно неверным.

У каждых глаз различный горизонт.
И через пропасть прыгающим серпам
Провал – не срыв, а спуск по сходам мерным.

СООТНОШЕНИЯ

Алмазны скрепы всех соотношений,
Везде узор их музыки ловлю.
Как волны, льнут к седому кораблю,
Ум ластится к течениям внушений.

Медуза в океане – пышный гений,
Каких в людских свершеньях я люблю.
Когда дорогу к ней от низших длю,
Я вижу, как в ней много достижений.

Я научился зодчеству у птиц,
В те дни Земли, как ведал лишь охоты.
Я за зверьми вступил в глухие гроты.

Я перенял с растений лист страниц.
И, напитавшись духом медуниц,
За соловьем свои расчислил ноты.

ЗЕРНО

Двуликий знак, – взглянув, переверни,
В ладони подержав, – зерно ржаное.
Две ипостаси. Тайные здесь двое.
Несчетное в себе таят они.

Чуть зримый рот, пьянящий искони.
Начало ласк. Горнило вековое.
Другой же облик – жезл, что в тайном зное
Пронзит века и донесет огни.

А вместе – лишь зерно. И если тайный
Тот поцелуй земной не примет плен,
Иссохнет сам в себе, без перемен.

А вниз сойдет, к черте необычайной,
Узнает смерть в любви, и тьму, и тлен,
И выйдет к солнцу нивою бескрайной.

СНОПЫ

Снопы стоят в полях как алтари.
В них красота высокого значенья.
Был древле час, в умах зажглось реченье: –
«Не только кровь, но и зерно сberi».

В колосьях отливают янтари,
Богаты их зернистые скопления.
В них теплым духом дышит умиление,
В них золото разлившейся зари.

Как долог путь от быстрых зерен сева
До мига золотого торжества.
Вся выгорела до косы трава.

Гроза не раз грозила жаром гнева.
О, пахари, подвижники посева!
В вас Божья воля колосом жива.

КРОВЬ ПУТАЕТ

Кровь путает, толкает и пьянит,
Совета лишь в своих вскипаниях спросит.
Пятнает, омывает и возносит
Дела времен и выси пирамид.

В пылани розы кровь. И хмель ей свит,
Хотя она не красный цвет в нем носит.
И сеет, сеет. Станет, косит, косит.
И лед скует. И явит снежный вид.

Отшельник, что десятки лет в пустыне
Замаливает грех под звон оков,
И девушка, что светит по долине,

И смотрит в жизнь, и смотрит в небо сине,
Не равны ль вы? Аминь, скажу я, ныне,
И присно, и во веки всех веков.

БРУСНИКА

Огонь, перебегающий в бруснике,
Сошел с махрово-огненных светил,
Малину и калину расцветил,
Неполно пробежал по землянике.

Отобразился в страстном счастья крике,
У девушки в щеках, играньем сил,
Румянец нежным заревом сгустил,
Ее глаза пугливо стали дики.

И, чувствуя, что в ней горит звезда,

Которой любо всюду видеть алость,
Она влагает искру даже в малость.

Она смеется, а в глазах беда,
Проходит – и пылают города,
Проводит в мире огненную шалость.

МИР БЛАГОВЕСТИЯ

Какой он благолепный, благовонный,
Какой он благозвонный, светлый лес.
В нем ничего из сказки похоронной,
В нем только благовестие чудес.

Едва в него вошел, как дух воскрес.
Задумчивый, баюкающий, сонный,
Зеленых преисполненный завес,
Хранитель жизни многомиллионной.

Я вижу зыбкий стебель лисий хвост,
Я становлюсь тихонько на колени,
Чтоб ближе видеть тонкий трепет млений.

Кругом в цветах мне зрима россыпь звезд.
Вдыхаю сладкий дух благоволений.
Мне изумруд к забвенью строит мост.

НАУКА

Я ласково учусь зеленой тишине,
Смотря, как царственны, сто лет проживши, ели.
Они хранят свой цвет, приемля все метели,
И жалобы в них нет, и жалоб нет во мне.

Я голубой учусь у неба вышине,
У ветра в камышах учился я свирели.
От облаков узнал, как много снов в кудели,
Как вольно, сны создав, их в бурном сжечь огне.

Я красному учусь у пламенного мака,
Я золото беру у солнечных лучей,
Хрустальности мечты учил меня ручей.

А если мышшь мелькнет, и в ней ищу я знака.
Зима скует порыв и сблизит берега,
И белый мне псалом споют без слов снега.

СРЕДИ ДЕРЕВ

Среди деревьев, их лап, узлов, рогатин,
Столетних елей, благовонных лип,
Старинный шорох, шелест, гул и скрип,
Особый лад, который благодатен.

Дрожат сквозь листья брызги светлых пятен.
А тут, внизу, пробился крепкий гриб.
Выводит травка шаткий свой изгиб.
Дух павших листьев густо ароматен.

Летучей кошкой проплыла сова,
И, севши, смотрит круглыми глазами,
Не видя. Дождь прошел. И лишь слезами

Алмазными чуть-чуть горит трава.
Войдем в великий праздник Вещества,
Здесь каждый атом полон голосами.

ДРЕВЕСНАЯ КОРА

В коре древесной столько же расщелин
Как на пространстве всей земной коры.
Вулкан, не есть ли он жерло норы,
Где шмель огня, который беспределен?

Безбрежен гуд таинственных молелен.
Вулкан везде. Во всем огонь игры.
С земли до неба, к брату от сестры,
Любовный пир, который вечно хмелен.

Здесь приютился маленький комок
Чуть зримых мшинок. Тихое веселье.
Аул среди Дарьяльского ущелья.

Жучки влезают в маленький домик.
В природе не найдешь нигде безделья.
Они выводят стройный городок.

ОХОТА

Шмели – бизоны в клеверных лугах.
Как бычий рев глухой, их гуд тяжелый.
Медлительные ламы, ноют пчелы.
Пантеры – осы, сеющие страх.

Вверху, на золотистых берегах,
Горячий шар струит поток веселый.
Залиты светом нивы, горы, доли.
Несчетных крыл везде кругом размах.

Визг ласточек. Кричат ихтиозавры.
Как острие, стрижей летящий свист.
Гвоздики в ветре, молча, бьют в литавры.

Утайный куст цветочен и тенист.
И выполз зверь. Шуршит о ветку ветка.
Мохнатый мамонт. Жуткая медведка.

КРОТ

От детских дней я полюбил крота
За то, что ходит в бархатной он шубке,
И белизной его сияют зубки,
И жизнь его среди существ не та.

Подземное, ночное, темнота.
Меж тем как в солнце жадные голубки
Глупеют от пригоршни желтой крупки,
Он все одна, и там он, где мечта.

Внизу, вглуби, где верно есть аллеи,
И духов черных башни и дворы,
Где странные полночные пиры, –

Где земляные черви, точно змеи,
С приказом жить лишь там, а если тут
Покажутся, немедленно умрут.

СОДРУЖЕСТВО

В саду стоит работавшая лейка,
Все политы цветы. Им лучше так.
Жасмин – земной звезды являет знак.
Зеленого вьюнка крутится змейка.

Цветов и трав царица-чародейка

Лелеет роза в чаше теплый мрак.
С ней спорит в алом распаленный мак.
В лугах пастух. Стадам поет жалейка.

Там дальше лес. А перед ним река,
Широкая, хрустальная, немая.
Два берега, в русле ее сжимая, –

Воде дают переплеснуть слегка.
И нежный цвет зеленого жука
Горит, с травы игру перенимая.

ЗМЕЙ

Уходит длинной лентою река,
Среди лугов, холмов, лесов синяя,
Служа немым изображеньем Змея,
Что спит и спит и будет спать века.

Лишь дышат зыбью сильные бока,
Там чешуя, волнообразно млея,
Мгновения подъятия лелея,
Горит и манит взор издалека.

Покошены кусты душистой кашки,
Вольнее ходит ветер по траве.
Толкачики – на службе, как монашки.

Чирикают кузнечики в овражке.
Но Змей заснул. Лишь сны его, в плотве,
Сверкают вкось по влажной синеве.

ЛАСТОЧКА

О чем, летая, ласточка щебечет?
Слепляя грязь в уютнейший домик,
Выводит в нем малюток в краткий срок,
Сама – мала, но и смела, как кречет.

При встрече с ней вороне выпал нечет.
Касатка мчит. Та – карк! – и наутек.
И вновь поет, прыдет, струит намек,
Летит, журчит, и грезит, и лепечет.

Я знаю: ей уютно в мире тут.
Те звери-бледнолики, не из малых,

Что под ее окном селятся в залах, —

К ней благосклонны, гибель ей не ткут.
А в воздухе, в лазоревых провалах,
Стадами мошки прямо в рот текут.

ЖУЖЖАНЬЕ МУХ

Жужжанье мух. О светлое стекло
Упрямое их тонкое биенье.
И странная прозрачность разделенья.
Все это вместе мысль мою влекло,

В те дни, когда в полуверсте село
Являлось чем-то в дымке отдаленья,
Где буду вновь я только в воскресенье,
Когда звучат колокола светло.

С тех пор уж скоро минет полстолетья.
Но мне дано быть долго молодым.
Я в пламени. Меня не тронет дым.

Еще желаю целый мир пропеть я,
И не с людьми я в это лихолетье.
Я звезд, и птиц, и мошек — побратим.

ДОГОВОР

Я в договор вступил с семьей звериной
От детских дней. Строй чувств у нас один,
Любовь к любви. Искусство паутин.
Я был бы равным в стае лебединой.

Часами я перед болотной тиной
Сидел, как неизвестный властелин,
Что смотр устроил всех своих дружин,
И как художник пред своей картиной.

Мне не безвестен черный плавунец.
Я не однажды говорил с тритоном.
Осоки лезвились по затонам.

И целым роем золотых сердец
И алых по зеленым рдели склонам
Цветы, шепча, что Солнце — их отец.

СВЕЧА

Я мыслью прохожу по всем мирам,
Моя свеча пред каждою иконой.
Но, если лес кругом шумит зеленый,
Я чувствую, что это лучший храм.

Я прохожу неспешно по горам,
В них каждый камень – истукан точеный.
Не райской птицей, а простой вороной
Я иногда ведом к высоким снам.

Звук карканья неловкой серой птицы
Неопытен в разряде звуковом,
Но даже в нем есть песня и псалом.

Чернильной краской вброшен я в страницы
Блестящие. И чую гулкий гром,
Когда чуть вьется дымка от криницы.

У СТЕБЕЛЬКА

Я задремал, смотря на стебелек,
В косых лучах пылающего шара.
И вот лицо, которое не старо,
Но древне, увлекло меня в поток.

Я был красив, уклончив и высок.
Легко скользил по крутоёму яра.
Станица где-то в пламенах пожара
Горела и сгорела в краткий срок.

Я проходил в серебряных туманах.
Я по широкой уплывал реке.
Две белые звезды невдалеке

Меня вели в спокойно-звездных странах.
А ночь вовне зажгла для снов медвяных
Две капельки росы на стебельке.

СВЕТЛАЯ НОЧЬ

Весь слитный сад не шелхнет листом,

Безгласны лунно-сонные аллеи.
В лазурном небе облачные змеи,
И дышит тайна всюду под кустом.

Вот тут построил еж свой малый дом.
Вон там в дупле пчелиные затеи.
Здесь в маргаритке побывали феи.
Кузнечик в ночь кричит: «А что потом?»

Потом – за край, весь мир пройдя по краю,
Как в воздух без борьбы уходит звук,
Как с крайнего листка скользит паук.

Вот паутинку здесь я закрепляю.
В моей душе ни страха нет, ни мук,
Хотя в уме великое: «Не знаю».

ВСЕЛЕНСКИЙ СТИХ

Мы каждый час не на Земле земной,
А каждый миг мы на Земле небесной.
Мы цельности не чувствуем чудесной,
Не видим моря, будучи волной.

Я руку протянул во мгле ночной
И ощутил не стены кельи тесной,
А некий мир, огромный, бестелесный.
Горит мой разум в уровень с Луной.

Подняв лицо, я Солнцу шлю моление,
Склонив лицо, молюсь душой Земле.
Весь звездный мир – со мной как в хрустале.

Миры поют, я голос в этом пенье.
Пловец я, но на звездном корабле.
Из радуг льется звон стихотворенья.

МУДРОСТЬ ВЕСНЫ

Я долго думал, пытку унимая,
Что смысла нет в мучительстве скорбей.
Но благо знать, что в боли есть ручей,
И можно жить, его струе внимая.

Леса не сразу знают счастье мая.
Шесть лун им льют мертвящий ток лучей.

И вот он, май. Светись же горячей,
С дерев уменье быть перенимая.

Они внимали вою жестких бурь,
Учась у вьюг напевам колыбельным,
Умей молчать как будто в сне смертельном.

Но в час весны ты больше взор не хмурь.
Чтоб ведать май с его восторгом цельным,
Должна в себе вместить сто зим лазурь.

ЛЕС

Могучий лес, то стройный, то косматый,
К единству свел все разности дерев.
Здесь некий Демон Древа сеял сев,
И камни разбросал своей лопатой.

Он ворожит над чащей вороватой,
В оврагах выявляет темный зев,
Взрывает гул и, сразу присмирив,
С земли повеет сладостною мятой.

Кукушкой о любви прокуковав,
Костры рассыпал красной земляники.
Зайчат молиться учит в малом крике.

Дал белке быстрый, птицам певчий нрав.
Велел грибам быть в радованьи рдяном.
Да будет всяк – в лесу – Великим Паном.

ЗАВЕТ

Высокий красный лес, сквозные боры,
Измятый ветром, дикий бурелом,
Медянка, тусклым свитая узлом,
Лесных вершин глухие разговоры, –

Луга, холмы, раздробленные горы,
Камней огромных косвенный излом,
Тиски стремнин, где бури копят гром,
Плеть ему пушистые уборы, –

Вот мир, достойный помысла и струн.
Вели мечтам, чтоб в беге были рьяны,
Как ржущий убегающий табун, –

Как враний голос чернокнижных рун,
Как пчелы, что от красных маков пьяны, —
Чтоб знать, что ты воистину был юн.

ТВОРЧЕСТВО

О творчестве тоскуя с детских дней,
Дитя, лепил я облики из глины,
И в пальцах ощущал восторг единый,
Быть может, поцелуя он нежней.

В дрожании струн, в мельканиях теней,
В сверканиях летящей паутины,
Внезапно открывались мне картины,
Вдруг песнь поет, я звук горящий в ней.

Упорный полюс, там где все — теченье,
Миг Божества в сознании людском,
В разбег весны упавший снежный ком, —

Свяжу снопом несчетные сравненья,
Но не схвачу я молниенный излом,
Не очерчу словами — вдохновенье.

ГОЛУБОЙ СОН

От незабудок шел чуть слышный звон.
Цветочный гуд лелея над крутыми
Холмами, васильки, как в синем дыме,
В далекий уходили небосклон.

Качался в легком ветре ломкий лен.
Вьюнок лазурил змейками витыми
Стволы дерев с цветами молодыми.
И каждый ствол был светом обрамлен.

И свет был синь. Кипела в перебое
Волна с волной. Лазурь текла в лазурь.
Павлины спали в царственном покое.

Весь мир в пространство перешел морское.
И в этом сне, не знавшем больше бурь,
По небу плыло солнце голубое.

ЛИПОВЫЙ ЦВЕТ

Успокоителен медвяный аромат
Нешелестящих лип, согретых за день в зное.
Зеленомудрое молчанье вековое,
Изваянность и сон в объеме их громад.

Как будто на сто лет уснул душистый сад,
Приявши власть любви, хранит ее в покое.
И зеркало пруда, – как зеркало морское,
Где Млечного Пути безгласный водоспад.

Крестообразная дремотствует аллея.
Под узловатую, таящей рябь корой
Проходят жилы нор, чуть зримых жизнь лелея.

Под выступом дупла не логовище змея,
В шуршаньи бредовом пчелиный дикий рой.
Меж днем и днем в ночи хмельная снов затея.

МУДРОСТЬ

Замедля мыслью зрящею в зверином,
Любовно возвращаясь к тем рядам,
Которым имена пропел Адам,
Блуждая с Евой по лесным долинам, –

Ваяя дух свой так, чтоб он к картинам
Земли и Неба шел, как входят в храм,
Ни за какое счастье не отдам
Я мудрость змия с сердцем голубиным.

В извиве, ртом касаясь до хвоста,
Объемлет он весь круг миротворенья.
В нем океан. В нем голубое мленье.

И в двух былинках знаменье креста,
Я знаю, миром водит Красота,
Чтоб в бездне звезд не умолкало пенье.

ЗДАНИЕ

Из донесенной пламенным жерлом,
В разлитии остывшей плотной лавы

Основа дома. Стены – из дубравы.
На срубах – мох невянущим узлом.

Послушать любят, как играет гром,
Из ясеня и клена архитравы.
Конек ветрам вещает: «Все вы правы».
Лазурь за каждым сторожит углом.

Уходит в высь игла из чистой стали.
На стали – пурпур. Знамя – Красота.
Резвятся в небе тучки. Та и та.

А небо – цвет изысканной эмали.
И гром велит, чтоб каждая мечта,
Идя к другой, была как звук в хорале.

СОКРОВЕННОСТЬ

Мой путь среди утесов крутоёмен.
Но я нашел в объеме диких скал,
Чего, любя красивое, искал.
И мне не жаль, что в мире я бездомен.

Привольно духу в срывах тех хоромин,
Что Гений Гор, когда он низвергал
На глыбу глыбу, для себя слагал.
Я царствую среди каменоломен.

В моих ночах цветет стоцвет, алмаз.
Из аметистов млеющие стены.
Опал мерцает, ворожа измены.

Для перстня камень есть кошачий глаз.
Все камни к свету вырвутся в свой час,
Как Красота – из океанской пены.

ПЕРСТЕНЬ

Из золота чистейшего оправа.
Линейность совершеннейшая, круг.
Чуть шевельнешь, и заиграет вдруг
В гнезде всех красок – огненная слава.

Лучи бегут налево и направо.
Горит. Пожар утонченный вокруг.
В нем только радость, если ты мне друг.

А если недруг, сила в нем удава.

В хваткой лапке цепкого гнезда
Три камня. Изумрудный, алый, синий.
Раздельно-триединая звезда.

Качнешь вот так, увидишь города.
Они твои. Качнешь вот так, пустыней
Безжизненной ты скован навсегда.

АКВАМАРИН

Аквамарин, струясь по ожерелью,
Втекает в переливную волну,
Которая поет про глубину,
Зеленовато-светлую свирелью.

Цвета в цветы с лукавой входят целью,
Расширить власть, увлечь к любви и сну,
Звено с звеном вести в века весну,
Цвета влекут нас к хмелю и похмелью.

Цветы земле. Цвета и в глубь земли
Уходят, напевая завлечение.
Аквамарин – глубинное течение.

В земле рыдали страстью хрустали.
Влюбились в лист. Их мысли в них зажгли
Зеленовато-зыбкое свечение.

ЛУЧШИЙ СТИХ

Прекрасно-тяжки золотые слитки,
Природою заброшенные к нам.
Прекрасен вихрь, бегущий по струнам,
Ручьиность звуков, льющихся в избытке.

Прекрасна мудрость в пожелтелом свитке,
Сверканья тайн, огонь по письменам.
Прекрасней – жизнь отдать бегущим снам,
И расцветать с весной, как маргаритки.

Из всех мечте дарованных цветов,
Быть может, этот цветик самый скромный,
Такой простой, невинный, неизломный,

В нем не отыщешь орхидейных снов,
Ни тех, что ирис даст изящно-темный.
Но лучший стих – где очень мало слов.

ЗЕРКАЛЬНОСТЬ

В прерывистых и скорых разговорах,
О сказочном, о счастье, бытие,
Мне нравятся речения твои,
В них искра, зажигающая порох.

Что ты не замедляешься на спорах,
А льешь свой ум, как вспевность льют ручки
Что выпеваешь душу в забыты, –
Люблю и слышу крыльев некий шорох.

Как полубог Эллады Гераклит
С усладой правду видишь ты двойную.
Ты как бы зов: «Люблю, но не ревную».

Ты словно лик загрязивших раки: –
Вода зеркалит ветку вырезную,
Другая ветка связь с землей крепит.

ХУДОЖНИК

К сосцам могучей матери земли,
Протянутым всем подлинным и сущим,
Припав, как сын, ты жадно пьешь сосущим
Лобзанием и мед, и миндали,

И ландыши, что пьяно расцвели,
Как свечечки по многотемным кущам,
И яркий день, что жжет огнем нелгушим,
И громкий смех, и тихий звон вдали.

Ни раною, ни мыслью не отравлен,
В размерности ты все вбираешь в сон
Своих зрачков. Ты как бы сын племен, –

Которым первый миг Земли был явлен.
Весь цельный луч в тебе сейчас прославлен,
Хоть радугой еще не преломлен.

РАЗЛИЧНОСТЬ

На слизистой спине немой медузы
Изображен красноречивый крест.
Цветы цветут среди проклятых мест.
Различность любит странные союзы.

Публичный дом не раз воспели музы.
И разве там не тысяча невест?
Взгляни в себя. Взгляни душой окрест.
Связуют все таинственные узы.

Не гений ли, не мощный ли Шекспир,
Отвергнув жизнь среди королей и славы,
Взлюбил, преклонный, малые забавы?

Познавши весь многообъемный мир,
Любил играть он в шахматы. И в этом
Он до конца высоким был поэтом.

ПРОЗРЕНИЕ

За днями мелководия мечты
Бывают дни – в сознаньи все напевней,
И слышишь голос Мира, голос древний,
Идущий из глубокой темноты.

Приходит вдруг. Сидишь случайно ты.
Пред малой деревенскою харчевней,
Такой, что, может, нет другой плачевней,
И чувствуешь – безбрежность Красоты.

Слепой скрипач пиликает убого.
Куда ведет он жалкий свой смычок?
В бездонность. Сердце чувствует намек.

Мы все здесь в мире – в верной длани Бога.
Он всем нам задал выполнить урок.
Для каждого – лишь звездная дорога.

ДАЛЕКОЕ

Когда весь мир как будто за горой,
Где все мечта и все недостоверно,
Подводный я любил роман Жюль Верна,

И Немо капитан был мой герой.

Когда пред фортепьяно, за игрой,
Он тосковал, хоть несколько манерно,
Я в океане с ним качался мерно,
И, помню, слезы хлынули струей.

Потом я страстно полюбил Майн Рида,
Но был ручной отвергнут Вальтер Скотт,
Прошли года. Быть может, только год?

Мне грезится Египет, Атлантида,
Далекое. И мой сиамский кот
«Плыви в Сиам!» – мурлыча, мне поет.

СИЛА БРЕТАНИ

В таинственной, как лунный свет, Бретани,
В узорной и упрямой старине,
Упорствующей в этом скудном дне,
И только в давних днях берущей дани

Обычаев, уборов и преданий,
Есть до сих пор друиды, в тишине,
От Солнца отделенной, там на дне,
В Атлантике, в загадке, в океане.

В те ночи, как колдует здесь Луна,
С утеса Чаек видно глубь залива.
В воде – дубравы, храмы, глыбы срыва.

Проходят привиденья, духи сна.
Вся древность, словно в зеркале, видна,
Пока ее не смоем мощь прилива.

СИБИРЬ

Страна, где мчит течение Енисей,
Где на горах червонного Алтая
Белеют орхидеи, расцветая,
И вольный дух вбираешь грудью всей.

Там есть кабан, медведь, стада лосей.
За кабаргой струится мускус, тая.
И льется к солнцу песня молодая,
И есть поля. Чем хочешь, тем засеи.

Там на утес, где чары все не наши,
Не из низин, взошел я, в мир такой,
Что не был смят ничьей еще ногой.

Во влагу, что в природной древней чаше
Мерцала, не смотрел никто другой.
Я заглянул. Тот миг всех мигов краше.

ЛУННАЯ ВОДА

Взяв бронзовое зеркало рукою,
И раковину взяв другой, Фан-Чжу,
Он ровно в полночь вышел на межу,
И стал как столб дорожный над рекою.

Змеился лунный ответ по ножу,
На поясе. Зеркальностью двойною
Он колдовал и говорил с луною.
Шепнул: «И до зари так продержу».

Но этого не нужно даже было.
Струился влагой лунный поцелуй.
Роса по травам и цветам светила.

Цветы дымиться стали как кадила.
И вот роса зовется Шан-Чи-Шуй,
Что значит: «Колдованье высших струй».

КИТАЙСКОЕ НЕБО

Земля – в воде. И восемь столбами
Закреплена в лазури, где над ней
Восходит в небо девять этажей.
Там Солнце и Луна с пятью звездами.

Семь сводов, где светила правят нами.
Восьмой же свод, зовущийся Ва-Вэй,
Крутящаяся Привязь, силой всей
Связует свод девятый как цепями.

Там Полюс Мира. Он сияет вкось.
Царица Нюй-Гуа с змеиным телом,
С мятежником Гун-Гуном билась смелым.

У пав, он медь столбов раздвинул врозь.

И из камней Царица пятицветных,
Ряд сделала заплат, в ночи заметных.

ТКАНЬ

Склонившись, китаянка молодая
Любовно ткёт узорчатый ковер.
На нем Земли и Неба разговор,
Гроза прошла, по высям пропадая.

Цветные хлопья тучек млеют, тая,
Заря готовит пламенный костер.
А очерк скал отчетлив и остер,
Но лучше сад пред домиком Китая.

Что может быть прекрасней, чем Китай.
Здесь живописна даже перебранка,
А греза мига светит как светлянка.

Сидеть века и пить душистый чай.
Когда передо мною китаянка,
Весь мир вокруг – один цветочный рай.

КИТАЙСКАЯ ГРЕЗА

Вэй-Као полновластная царица.
Ее глаза нежней, чем миндали.
Сравняться в чарах с дивной не могли
Ни зверь, ни рыбка, ни цветок, ни птица.

Она спала. Она была девица.
С двойной звезды, лучившейся вдали,
Два духа легкокрылые сошли.
Душистая звездилася ложница.

И с двух сторон к дремавшей подойдя,
Кафельницу пахучую качали.
Цветы на грудь легли, их расцвечали.

И зачала от этого дождя.
И, сына безболезненно рождая,
Она и в нем была звездой Китая.

ЗАНАВЕС

Китайский красный занавес так ал,
Что у меня в глазах как бы круженье
Багряных птиц и призраков служенье
Огням заката на уступах скал.

Здесь Демон Крови краски подыскал.
Вулкан свое готовил извержение,
Не совершил и передал внушенью
Тому, кто этот замысел слагал.

Лазурно-изумрудные деревья.
Густые гроздья голубых цветов.
И облачков закреплены кочевья.

И шесть десятков зеркалец, для снов
Той нежной, чья свершилась греза девья,
Кому весь этот свадебный покров.

СПОР ДУХОВ

Спор духов перешел уж в перебранку,
А кто хитрей, все не был спор решен.
Тогда, чтоб разум был заморожен,
Дух Юга людям показал испанку.

Дух Севера зажег мечту-светлянку.
Дух Запада, замыслив гордый сон,
Спаял всех музыкальных гудов звон.
Но дух Востока, дунув, создал танку.

Пять чувств, как пятицветную печать,
Сгустив и утончив необычайно,
Умея сердце научить молчать, —

И чуть шептать, чтоб расцветала тайна,
Велел японец танке зазвучать, —
Пять малых строк поют, горя бескрайно.

СТРАНА СОВЕРШЕННАЯ

В Японии, где светят хризантемы,
Как светят в небе звезды в час ночей,
В Ниппоне, где объятья горячей,
Но где уста для поцелуя немы, —

Где все холмы, как части теоремы,
Размерны, – где, вясь в полях, ручей
Есть часть картины; где поток лучей
Златыми явит и стальные шлемы, –

В Нихоне, в Корне Света, где и свет
Как будто не природно безучастен,
А с мыслью вместе и сердцам подвластен, –

Я видел сон, что каждый там поэт,
Что миг свиданья полнопевно страстен,
За страстью же – раскаяния нет.

ЯВАНСКИЙ САД

О, Бейтензорг! Пышнейший в мире сад,
Где сонмами мерцают орхидеи,
Меня до несчетности затеи,
Размеры, облик, краски, аромат, –

Где демон ночи, притаившись, рад
Заслышать, как шуршат в лианах змеи,
И чуют задремавшие аллеи
Всех запахов ликующий набат.

Я там бродил в ночах с моей желанной,
И ящерица гекко, точно гном,
Кричала «Гекко!» где-то за углом.

Вся жизнь земная чудилась мне странной,
Я сам себе казался чьим-то сном,
Одна любовь являлась необманной.

СВЕТЛЯНКИ

В холодных странах светят светляки,
В те ночи, что назначены светящим,
Фонариком зеленым и дрожащим
Они в траве лелеют огоньки.

В ночах Яванских рдеют вдоль реки
Крылатые светлянки, и по чашам
Скользят напевом, глазу говорящим,
Сближаются как странные зрачки.

По выдохам земли обильной, мгlistым,
Где баобаб объем раскинул свой,
Они игрой вздыхают лучевой, –

Оркестром переливно-серебристым.
И смотрят с неба звезды в этот рой,
Что власть нашел быть молча голосистым.

ЦВЕТА ДРАГОЦЕННОГО

Он жертву облекал, ее сжимая.
У дикого плененного козла
Предсмертная в глазах мерцала мгла,
Покорность, тупость и тоска немая.

Он жертву умертвил. И, обнимая,
Всю размягчил ее. Полусветла,
Слюна из пасти алчущей текла.
А мир кругом был весь во власти мая.

Насытился. И, сладко утомлен,
Свой двухсаженный рост раскинул мгlistый.
Мерцают в коже пятна-аметисты.

Его к покою клонит нежный сон,
И спал. Голубовато-пепелистый,
Яванский аметистовый питон.

БОРО-БУДУР

Храм белых Будд. Гигант Боро-Будур.
Террасы на террасах в слитном зданье.
Расцветность глыб могучих, в обаянья
Окрестных гор, чей цвет и сер и бур.

И мудрый слон, и крепкорогий тур,
Здесь возникают только в изваянье.
Струится дух здесь в каменном преданье,
И смена ликов – смысл змеиных шкур.

Приди, земной, и погаси пожары,
В которых медлят нищие цари.
Найди в себе дневные две зари.

Царевич отказался здесь от чары
Царить вовне, чтоб быть царем внутри.

Раскрой свой дух и белый свет бери.

ПЛЯСКА КОЛДУНА

Один, ничьи не ощущая взоры,
В ложбине горной, вокруг огня кружась,
Он в пляске шел, волшебный папуас,
Изображая танцем чьи-то споры.

Он вел с огнем дрожавшим разговоры.
Курчавый, темный, с блеском черных глаз,
Сплетал руками длительный рассказ,
Ловил себя, качал свои уборы.

Хвост райской птицы в пышности волос
Взметался как султан незримой битвы.
Опять кружась, он длил свои молитвы.

Я видел все, припавши за утес.
И колдовские возмогли молитвы.
Как жезл любви, огонь до туч возрос.

ОСТРОВНОЕ СОЗВЕЗДИЕ

Загарно-золотистые тела.
Здесь старики, как юноши, все юны.
А женщины поют как гамаюны.
И пляшут. Их душа в глазах светла.

Здесь наши не звучат колокола.
Циклон промчится. Прогремят буруны.
И снова тишь коралловой лагуны.
Все та же стройность, как века была.

Здесь радованье медленной планеты.
«Любовь тебе!», «Галёфа!» и «Тофа!»,
«С тобою мир!» – обычные приветы –

Втекают в жизнь, как за строфой строфа.
И в Вечности плывет твоя каноа,
В созвездии, зовущемся Самоа.

ЗАКАТНАЯ РИЗА

Я уплывал по морю Гавайки,
До южной грани края Маори.
Зажглись, метнувши желтым, янтари,
Слились и разлились, как сердолики.

Огни змеились ходом повилики,
Пылал гранат вечеровой зари.
Из красных туч сложились алтари,
Немой огонь гремел в багряном крике.

Вдруг занавес пурпурно-огневой
Порвал продолжность разоженной ризы,
И глянул месяц мертвой головой, –

Испуганный, еще полуживой.
Могучий вал, в перекипаньи сизый,
Каноа мчал в пустыне мировой.

ДРЕВО ТУЛЕ

Я был в одной из самых крайних Туле.
Она лежит среди лесистых стран.
Там сам собой магей медвяно пьян.
В глазах людей преданья потонули.

В ответ на гром там изумруд в разгуле.
Зеленый попугай среди лиан.
Старейший спит древесный великан,
Гигантский можжевельник в тихом гуле.

Ствол ширится огромною дугой.
Чтобы обнять могучее то древо,
Должна восстать толпа рука с рукой.

Пасхальной ночью слышен звук напева.
Пред духом дней проходит смуглый рой,
Припоминая давний облик свой.

ДОРОГОЙ ДЫМА

Далекий край, где древле были шумы
Не наших битв, наряд не наших стран,
Где сердце вырубал обсидиан,
Лазутчик был в лесу хитрее пумы –

К твоим горам мои уходят думы,
Там храмом не один горел вулкан,
И пьяный дым качал там океан,
И дым иной был в грезе Монтесумы.

Звененьем золотых колокольников
Своих сандалий – вброшен в ритм дремотный,
Вот курит он. За кругом круг несчетный.

И новый мир встает из дымных снов.
Его табак пришел туда впервые.
И мы – его, чрез волны голубые.

СИНИЙ ЖГУТ

Для мудрого не может быть вопроса,
Что между самых ласковых минут,
Которые дано нам ведать тут,
Одна из самых нежных – папироса.

В ней жертва есть. От горного откоса
Восходит синий дым, свиваясь в жгут.
Ручьи воспоминания текут.
Белеет дымка. Слышен всплеск у плеса.

В ней вольный, хоть любовный, поцелуй.
Дыханье – через близь приникновенья.
Душистое зажженное мгновенье.

Спирали, уводящих грезу струй.
Двойная жизнь души и арабесок,
С качаньем в Вечность – легких занавесок.

ВОСПОМИНАНИЕ

Голубоватое кольцо, все кольца дыма
Моих египетских душистых папирос,
Как очертанья сна, как таяние грез,
Создавши легкое, уйдут неисследимо.

Я мыслью далеко. Я в самом сердце Рима.
Там об Антонии поставлен вновь вопрос.
И разрешен сполна. Как острями кос
Обрезан стебель трав и жизнь невозвратима.

Я знаю, римлянин не должен был любить,

Так пламенно любить, как любят только птицы,
Очарования египетской царицы.

Но Парки нам плетут, и нам обрежут нить.
Я ведал в жизни все. Вся жизнь – лишь блеск зарницы.
Я счастлив в гибели. Я мог, любя, любить.

ШАМАН

Шаман, глушащий сразу в сердце боль,
Волшебник грез и пиршеств веселящих,
А также ссор и слов как нож разящих,
Ты, самокоронованный король, –

Ты, царь царей, ласкающий, доколь
Не бросишь в грязь, как леший в темных чащах,
Сразитель верных, сном смертельным спящих,
Я знал твой быстрый пламень, алкоголь.

Алхимик, то с глазами василиска,
Преобразитель гениев в калек,
То радостный, как звук разливных рек, –

То влюбчивый, как ночью одалиска,
Я рад, что знаем мы друг друга близко,
Я счастлив, что прогнал тебя навек.

ЯД

Мне чужды сатанинские забавы.
Сновидец – Опий. Власть дает Гашиш
Глубь мерить глубже, тише чуют тишь.
И морфий видит стены в блесках славы.

Но я мои сонеты и октавы
Им не отдам. Мне дорог яд, но лишь
Такой, в котором творчески горишь,
И как вулкан стремишь потоки лавы.

Мой яд – Любовь. Любить. Любовь к любви.
Любовь к мирам. Любовь к малейшей мошке.
Ведут мои садовые дорожки

К безмерным тайнам, дремлющим в крови.
Есть сон: – был мед, но не хватало ложки.
Есть сон: – здесь мед. Всегда. Лишь позови.

РОЖДЕНИЕ МУЗЫКИ

Звучало море в грани берегов.
Когда все вещи мира были юны,
Слагались многопевные буруны,
В них был и гуд струны, и рев рогов.

Был музыкаю лес и каждый ров.
Цвели цветы, огромные, как луны,
Когда в сознании прозвучали струны.
Но звон иной был первым в ладе снов.

Повеял ветер в тростники напевно,
Через их отверстия ожили луга.
Так первая свирель была царевна

Ветров и воли, смывшей берега.
Еще, чтоб месть и меч запели гневно,
Я сделал флейты из костей врага.

СВИРЕЛЬ

Журчание пастушеской свирели,
Растущее с рассветным светом в лад.
Движенье удаляющихся стад.
Дремлю. Так хорошо побыть в постели.

На венчиках цветов, как в колыбели,
Оставил росы огненный закат.
Их самоцветам глаз вчера был рад,
Сейчас они вторично заблестели.

Там холодно. А здесь мне так тепло.
Смыкаются усталые ресницы.
Мне все равно, что будет, что прошло.

Ум потонул. Деревьев вереницы.
Лес. Наводненье. Искрится весло.
Поют в ветвях лазуревые птицы.

ВОЛЕЮ РУК

Настраиванье скрипок. Ток ручьев,
Себя еще пытающих, неровных,
Но тронувших края надежд верховных,
И сразу доходящих до основ.

Дух пробужден. В нем свет, который нов.
Пробег огней, утонченно-духовных.
Мир возниканья снов беспрекословных
По воле прикосания смычков.

Миг тишины. В огнях застыла зала.
Не дрогнет жезл в приподнятой руке.
Еще сейчас душа была в тоске.

Вот в ней мгновенно притупилось жало,
И с пальцев рук течение побежало,
И дух плывет в ликующей реке.

МУЗЫКА

Кто шепчет через музыку с сердцами,
Что говорит в ней волею с душой?
Мы грезой зачарованы чужой,
И тот чужой – родной, он плачет с нами.

Проходят тени прошлого струнами.
Душа заморозилась глубиной.
Ты тайный – за прозрачною стеной,
Недосяжимо-близко и с крылами.

Что в музыке? Восторг, неожиданность, боль.
Звук с звуком – обручившиеся струи.
Слиянье в Волю сонма разных воль.

О, все живые были в поцелуе.
С очей слепых вдруг отошли чешуи.
Еще побыть в прозрении дозволю.

ПРЕДОЩУЩЕНИЕ

На уводящих проволоках иней,
Сгущенный, весь изваянный луной.
Чрез окна говорят они со мной,
Те дружные ряды продольных линий.

Я далеко. Над Капри воздух синий.

Волна, играя, говорит с волной,
Горит Везувий. Лава пеленой.
Ветвится дым разливом черных пиний.

Я с вами, пламя, золото и сталь.
Я там, где жерла, срывы гор, изломы.
Во мне всегда поет и кличет даль.

В душе хотят прорваться водоемы.
Бьет полночь. Бледный, сел я за рояль.
И в тишине смотрящей были громы.

ДВА ГОЛОСА

Она мне говорит: «Я ласкою объемлю».
И он мне говорит: «Я горячей горю».
Я слушаю его. И ей любовно внемлю.
Обоим им в душе воздвиг по алтарю.

Я в колебании качаюсь и творю.
Душой звенящею я музыку приемлю.
И звон малиновый поет мою зарю.
И океанами рассвет объемлет землю.

Она мне говорит. И женскому я рад.
Но он мне говорит. Я с ним в ином законе.
По влаге пламенной плыву в огнистом стоне.

И вот уж лунный ход размеренных сонат,
Как ветер, отяжелев набатом благовоний,
Вступает в солнечность ликующих симфоний.

ЗОВЫ ЗВУКОВ

Звук арфы – серебристо-голубой.
Всклик скрипки – блеск алмаза хрусталистый.
Виолончели – мед густой и мгlistый.
Рой красных струй, исторгнутый трубой.

Свирель – лазурь, разъятая борьбой,
Кристалл разбитый, утра ход росистый.
Колоколец ужалы – сон сквозистый.
Рояль – волна с волною в перебой.

Но как среди плодов душисто манго,
Струя истомно-пряный аромат,

Мне хочется всегда уйти назад –

Туда, где был, – где сини воды Ганга, –
И дальше, до лиан, в яванский сад,
К тоске ручьиистой звуков гамеланга.

МЕРТВЫЕ ЗВЕЗДЫ

Сердца к сердцам и к безднам кличут бездны,
В ночи без слов к звезде поет звезда.
И зов дойдет, но, может быть, тогда,
Когда звезда – лишь гроб себя железный.

Прекрасен полог ночи многозвездный,
Но жизнь творит лишь там, где есть вода.
Когда ж она иссохла навсегда,
Звезда – лишь знак изящно-бесполезный.

Там русла рек, где влага не течет.
Там бродят лишь бесплотнейшие тени,
Без жажды, без любви, без вождлений.

И нет цветов там, чтоб собрать с них мед.
Нет больше тайн. И чарой песнопений
Душа там в плен другую не возьмет.

ЛЮБИ

«Люби!» – поют шуршащие березы,
Когда на них сережки расцвели.
«Люби!» – поет сирень в цветной пыли.
«Люби! Люби!» – поют, пылая, розы.

Страшись безлюбья. И беги угрозы
Бесстрастия. Твой полдень вмиг – вдали.
Твою зарю теченья зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грезы.

Кто не любил, не выполнил закон,
Которым в мире движутся созвездья,
Которым так прекрасен небосклон.

Он в каждом часе слышит мертвый звон.
Ему никак не избежать возмездья.
Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он.

ОН

Он проточил и пробуравил горы.
Разрезал исполинский материк,
И корабельный караван возник
Там, где лесные ширились просторы.

Он звезды разместил в ряды и хоры.
Он мысль свою, как мчащийся двойник,
Пошлет в пространство искрой, искра – крик,
Через океан ведет переговоры.

Задачи нет, которую бы он
Не разрешил повторностью усилъя.
Он захотел – и он имеет крылья.

До Марса достичь – надменный сон.
И сбудется. Но в безднах изобилья
Он должен гнаться до конца времен.

ОНА ПОКОИТСЯ

Она покоится. Две белых чаши – груди.
Два неба голубых – закрытые глаза.
Ее ли в том вина, что в высях бирюза
То дремлет в тишине, то в грозном рдеет гуде.

Через нее, в борьбе, с богами равны люди.
И станет сказкою, свой миг прожив, гроза,
Бессмертным жемчугом – минутная слеза.
И дикая резня – в напевном будет чуде.

Она покоится. До нежного бедра
Точеная рука чуть льнет в изгибе стройном.
Ей суждено пребыть видением спокойным –

В веках оправданной, вне зла и вне добра.
Она покоится, меж звезд, где дышит мера,
И в несмолкающих гекзаметрах Гомера.

ОНА

Когда пред нею старцы, стражи лона,

Склонились, друг до друга говоря: –
«Смотрите, розоперстая заря!»,
Она возникла в мире вне закона.

Как сладкий звук, превыше вихрей стона,
Как царская добыча для царя,
Как песнь весны, как пламя алтаря,
Как лунный серп в опале небосклона.

Как миг любви, что сам себе закон,
Как звон оков законченного плена,
Как в ливне быстрых радуг перемена.

Как в сне веков единый верный сон,
Дочь лебедя, волны вскипевшей пена,
Грань торжества, звезда среди жен, Елена.

ПУТЬ К КОВЧЕГУ

Ты мне сказала: «Видишь дождь бегущий?
Но над дождем семирассветный мост.
Там реки красок. Духи там и кущи.
Кователи рубинов, снов и звезд.

Беги. Наш путь к ковчегу прям и прост.
Хоть прикоснись. Я встречу лаской ждущей».
Ах, птицы райской так уклончив хвост,
А крылья райской – взгляд любви берущей.

Я побежал. Спешил. Устал. Продрог.
Но был мгновенье в семицветном храме,
На пресеченьи десяти дорог.

Домой пришел лишь с мокрыми руками.
Но ты сказала: «Сделал все, что мог». –
И целовала алыми губами.

БОГ ПРИКЛЮЧЕНЬЯ

Бог Приключения, меж богов богатый,
Повел меня в безвестную страну.
Там лето за собой ведет весну,
И снова лето, зной и ароматы.

Как ожерелье, горные там скаты.
Струит рубин живую пелену,

И сердолик, мягча, зовет ко сну,
А пробуждают яркие гранаты.

Когда в опал ударишь бирюзой,
Играет конь грозы, звенит уздечка,
И серебром течет из тучек речка.

Блестает в чаше розы, за грозой,
Алмаз. Зовется ангельской слезой.
Ее тебе принес я для колечка.

ПОЯСОК

Чтобы всегда мечте она светила,
Соткал я ткань ей из лучей луны,
Сорвал цветок с опасной крутизны,
И он, курясь, служил ей как кадило.

Когда в луне еще возрастала сила
И с ней возрастал разбег морской волны,
Из пены сплел я нежность пелены,
Она ее как перевязь носила.

Когда ж растаял этот поясок,
Вольнее стали падать складки платья,
Столь сделалось естественным объятье, –

Как до цветка прильнувший мотылек.
Что дальше, вам хотел бы рассказать я,
Но не велит она сгущать намек.

ЗАРЕВАЯ

Пред тем как здесь твое возникло тело,
В утробе, где зиждательная мгла,
Та женщина, что мать тебе была,
Лишь яблоки пурпуровые ела.

И ты глядишь всегда светло и смело,
Не зная чары ни добра, ни зла.
Высокая, румяна и бела, –
С какого-то иного ты предела.

Ты – яблоня, в которой по листьям
Еще не пробежало слово гнева.
К тебе еще не приближалась Ева.

И ветки не сломал твоей,
Ты вся еще с цветами в разговоре,
И пьёт твой рот пурпуровые зори.

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

Непостижимое владеет мглой ночной,
Я слышу, как сейчас на голубой планете,
Где были мы с тобой как маленькие дети,
Расцвел цветок любви, возвращенный тишиной.

Ты наклоняешься воздушно надо мной,
Твои глаза горят в благословенном свете,
Запутались вдвоем мы в ласковые сети,
Сорвавшийся ручей о камень бьёт волной.

Мы свиделись с тобой как будто бы впервые,
Но где-то раньше я с тобою был вдвоем,
Над своевольным тем играющим ручьем, –

Который оросил расцветы голубые.
И будешь ты гореть в сознании моем,
И буду я тебе шептать слова живые.

КАМЕЯ

Она из тех, к кому идут камеи,
Медлительность, старинная эмаль,
Окошко в сад, жасмин, луна, печаль,
Нить жемчугов вокруг лебединой шеи.

Ей даровали царство чародеи,
В нем близь всегда причудлива, как даль.
И времени разрушить сказку жаль,
Тот сад минуют снежные завей.

Я подошел к полному окну.
Она сидела молча у постели.
Газелий взор любил свою весну.

И липы ворожили старину.
Роняли полог бархатные ели.
Ей было жаль идти одной ко сну.

СТОЛЕПЕСТКОВАЯ

Безукоризненный в изяществе наряд.
Все одноцветное в рассветно-сером платье.
Зеленоватость в нем всесветна без изытья.
У пояса костер приковывает взгляд.

Столепестковая таит душистый яд,
Меняет ясность чувств, внушает мысль объятья.
О, если б мог тебя всю, всю в себя вобрать я,
Но губы алые безгласно не велят.

И пепельных волос волна, упав на плечи,
Змеино поднялась к тяжелой голове.
Уму не верится, что кос здесь только две.

Светясь, вокруг нее поют немые речи.
Вся говорит она. И вот не говорит.
Лишь в перстне явственно играет хризолит.

СТРОЙНАЯ

Высокая и стройная, с глазами
Раскольницы, что выросла в лесах,
В зрачках отображен не Божий страх,
А истовость, что подобает в храме.

Ты хочешь окружить ее словами?
Пленяй. Но только, если нет в словах
Велений сердца, в них увидит прах.
Цветок же вмиг заметит меж листками.

И подойдет. Неспешною рукой
Сорвет его и любоваться станет.
Быть может, тот цветок тебе протянет.

Несмущена колдующей тоской,
Свет примет и улыбкой не обманет.
Но в этом сердце светит свет – другой.

ВОЛШЕБСТВО

Из раковин я вынул сто жемчужин,
Тринадцать выбрал лучших жемчугов.

От дальних, самых южных берегов
Был всплеск волны мне в новолунье нужен.

Миг надлежащий мной был удосужен,
Когда луна меж двух своих рогов
Скрепила хлопья белых облаков.
Весь мир волшебств тогда со мной был дружен.

На пресеченьи девяти дорог,
В изломе ночи цвет сорвал я малый,
Лилейный лик внутри с звездой алой.

Сон девушки невинной подстерег,
Вплел в ожерелье, к жемчугам сгибая.
Полюбят все. Приди ко мне любая.

КОБРА

Я опьяню тебя моею красотой
Завладевающей – изысканным стихом,
В котором яд, и кровь, и страсть, и ночь, и гром,
И, взор твой подсмотрев, внимательность удвою.

Недостижимое возьму как бы игрою,
Захват мой – взгляд души, ее огней излом,
И не заметишь ты, как всю тебя узлом
Воздушно-ласковым, но держащим, покрою.

Ты будешь с близкими, но будет дух вдали.
Ты будешь мной полна и скрытно, и певуче,
Как полон пламенем туман, скользя по круче.

Вот малая ладья сильней, чем корабли.
Сосредоточенность расцвести готова в туче.
Гори. Мы два огня. Тебя, меня – зажгли.

КОЛДУН

Он начал колдовать сине-зеленым,
Он изумруд овеял бирюзой.
Огонь завил он красною лозой,
И пламени запели тихим звоном.

Собрав купавы по лесным затонам,
Заставил чаши их ронять бензой.
И ладан задымил, как пред грозой

Восходит мгла змеей по горным склонам.

Стал душно-пряным сказочный чертог.
В углах стояли идолаы немые,
Вовнутрь к нему протягивая выи.

И цвет, что на скрещении всех дорог.
Расцвета ждет, пред ним расцвел впервые,
И, девой став, у пламени возлег.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Тринадцать выгибов дубового листка,
Двенадцать сменных солнц в кругу месяцеслова,
Один, и два, и три, всех числ первооснова,
Ликующее семь, что смотрит свысока, –

Четырехкрылая, летящая с цветка,
Чтобы душистый мед от сплава воскового
Подробно отделив, соединить их снова,
Там, в шестикратности немого уголка, –

Десятигранная на ветре кристалинка, –
Столепестковая, пьянящая людей, –
Куда мой стих, тебя ведет моя тропинка?

В четырнадцать, где ты, сверкнув, уснешь как змей,
Меж тем как, вознеся все красочные числа,
Летит, дробясь, огонь, и радуга повисла.

ПЕРЕВЯЗЬ

Гимнически законченный сонет,
Заслуга это или преступленье?
В церковное торжественное пенье
Не вводим мы дразненье кастаньет.

Лишь избранный искусник даст ответ.
Но выскажу еще недоуменье.
На рыцаре пристойно ль украшенье,
И не собой ли каждый свят предмет?

Однако в строй пасхальных ликований
И пляшущие вводим мы тона.
И разве изменяется весна, –

Когда проснется майский день в тумане?
И рыцарь, мысля лишь об острие,
Не мчит ли ленту милой на копье?

ЗАКОН СОНЕТА

Четыре и четыре, три и три.
Закон. Вернее, признаки закона.
Взнесенье, волей, огненного трона,
Начало и конец дневной зари.

С рождением солнца рдеют алтари.
Вдали, вблизи прорыв и гулы звона.
Весь мир Земли – приемлющее лоно.
Четыре ветра кличут: «Жги! Бери!»

Но быстро тает эта ширь свершенья.
Бледнеет по бокам сплошной рубин,
Огонь зари являет лик суженья.

И вторит Осень пламенем вершин,
Что три пожара завершают рденье.
И в небе кличет журавлиный клин.

СОНЕТ СОНЕТУ

Мои стихи как полновесный грозд.
Не тщетно, в сладком рабстве у сонета
Две долгие зимы, два жарких лета,
В размерный ток включал я россыпь звезд.

Изысканный наряд обманно прост.
В гаданье чувства малая примета
Есть жгучий знак, что час пришел расцвета
Люблю к люблю, к земле от неба мост.

Четырнадцать есть лунное свеченье,
Четыре – это ветры всех миров,
И троичность звено рожденья снов.

И все – единство, полное значенья,
Как Солнце в свите огненных шаров,
Размеченных законом привлеченья.

ТУДА

Когда атлеты в жаркий миг борьбы
Сомкнут объятия с хитростью касанья,
Чей лик – любовь, что ощупью лобзанья
Упорно ищет в жутком сне алчбы, –

Когда внезапно встанет на дыбы
Горячий конь, – когда огней вонзанье
Проходит в туче в миге разверзанья,
И видим вспев и письма Судабы, –

Когда могучий лев пред ликом львицы
Скакнет лишь раз, и вот лежит верблюдо, –
Когда сразим мы сонмы вражьих груд, –

Все это не один ли взрыв зарницы?
Наш дух крылат. Но лучший миг для птицы –
Лететь – туда ото всего, что – тут.

БОЙ

Вся сильная и нежная Севилья
Собралась в круг, в рядах, как на собор.
Лучей, и лиц, и лент цветистый хор.
И голубей над цирком снежны крылья.

Тяжелой двери сдвиг. Швырок усилья.
Засов отдвинут. Дик ослепший взор.
Тяжелый бык скакнул во весь опор
И замер. Мощный образ изобилья.

В лосненьи крутоёмные бока.
Втянули ноздри воздух. Изумленья
Сковало силу в самый миг движенья.

Глаза – шары, где в черном нет зрачка.
Тогда, чтоб рушить тяжкого в боренье,
Я поднял алый пламень лоскутка.

ЕЩЕ

Привязанный к стволу немого древа,
Что говорить умеет лишь листвою, –
Предсмертным напряжением живой,

Весь вытянут, как птица в миг напева, –

Святая жертва слепоты и гнева,
С глазами залазуренными мглой, –
Еще стрелу приявши за стрелой,
Колчанного еще хотел он сева.

И между тем как красный вечер гас,
Стеля вдали для ночи звездный полог,
Он ощущал лишь холодок иголок.

И торопил возжажданный им час.
Еще! Еще! Лишь прямо в сердце рана
Откроет рай очам Себастиана!

НИТИ ДНЕЙ

Все нити дней воздушно паутинны,
Хотя бы гибель царств была сейчас.
Все сгустки красок – для духовных глаз.
Душе – напевы сердца, что рубинны.

У альбатроса крылья мощно длинны.
Но он к гнезду вернется каждый раз,
Как ночь придет. И держат гнезда нас
Вне тех путей, которые лавинны.

Нам трудно даже другу рассказать,
Как любим мы детей, рожденных нами.
Как обожаем мы отца и мать.

И благо. Стыд тот – Божья благодать.
Но нам не трудно яркими чертами
Векам в легенде сердце передать.

НА ОТМЕЛИ ВРЕМЕН

Заклятый дух на отмели времен,
Средь маленьких, среди непрозорливых,
На уводящих задержался срывах,
От страшных ведьм приявши гордый сон.

Гламисский тан, могучий вождь племен,
Кавдорский тан в змеиных переливах
Своей мечты лишился снов счастливых
И дьявольским был сглазом ослеплен.

Но потому, что мир тебе был тесен,
Ты сгромоздил такую грудю тел,
Что о тебе Эвонский лебедь спел –

Звучнейшую из лебединых песен.
Он, кто сердце изведал глубь и цвет,
Тебя в веках нам передал, Макбет.

СРЕДИ ЗЕРКАЛ

Бродя среди бесчисленных зеркал,
Я четко вижу каждое явление
Дроблением в провалах углубленья,
Разгадки чьей никто не отыскал.

Коль Тот, чье имя – Тайна, хочет скал,
Морей, лесов, животных и боренья,
Зачем в несовершенном повторенья,
А не один торжественный бокал?

Все правое в глубинах станет левым,
А левое, как правое, встает.
Здесь мой – с самим же мною – спутан счет

Вступил в пещеру с звучным я напевом,
Но эхо звук дробит и бьет о свод.
И я молчу – с недоуменным гневом.

НЕ ПОТОМУ ЛИ?

Один вопрос, томительный, всегдашний,
От стершихся в невозвратимом дне,
От взятых в основание камней
До завершенья Вавилонской башни.

Зачем согбенный бог над серой пашней?
Зачем в кристалле снов игра теней?
Зачем, слабее я или сильней,
Всегда в сегодня гнет влачу вчерашний?

Как ни кружись, клинок и прям и прост: –
Уродство не вместится в совершенство,
Где атом – боль, там цельность – не блаженство.

Не потому ль водовороты звезд?

Не потому ли все ряды созданий,
Чтоб ужас скрыть – бесчисленностью тканей?

В ТЕАТРЕ

В театре, где мы все – актеры мига,
И где любовь румянее румян,
И каждый, страсть играя, сердцем пьян,
У каждого есть тайная верига.

Чтоб волю ощутить, мы носим иго.
Бесчисленный проходит караван,
Туда, туда, где дух расцветов прян,
Где скрыта Золотая Счастья Книга.

Рубиново-алмазный переплет,
Жемчужно-изумрудные застёжки.
Извилистые к ней ведут дорожки.

По очереди каждый к ней идет.
Чуть подойдет, как замысел окончен.
И слышен плач. Так строен. Так утончен.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Изображенье мертвой головы
На бабочке ночной, что возлюбила
Места, где запустенье и могила,
Так просто растолкуете ли вы?

Вот изъясненье. Здесь гипноз травы,
Которую плоть мертвого взрастила,
И череп с мыслью, как намек-кадило,
Дала крылатой. Жить хоть так. Увы.

Живет кадило это тeneвое.
И мечется меж небом и землей.
Скользит, ночной лелеемое мглой.

Вампирная в нем сила, тленье злое.
И бабочки пугаются ночной.
Тот здесь колдун, кто жить возжаждал вдвое.

ПОСЛЕДНЯЯ

Так видел я последнюю, ее.
Предельный круг. Подножье серых склонов.
Обрывки свитков. Рухлядь. Щепки тронов.
Календари. Румяна. И тряпье.

И сердце освинцовилось мое.
Я – нищий. Ибо – много миллионов
Змеиных кож и шкур хамелеонов.
Тут не приманишь даже воронье.

Так вот оно, исконное мечтанье,
Сводящее весь разнобег дорог.
Седой разлив додневного рыдания.

Глухой, как бы лавинный, топот ног.
И два лишь слова в звуковом разгуле.
Стон – Ultima, и голос трубный – Thule.

ULTIMA THULE

Эбеновое дерево и золото,
Густой, из разных смесей, фимиам.
Светильники, подобные звездам,
В ночи упавшим с неба без возврата.

Огромные цветы без аромата,
Но с чарой красок рдеющие там, –
В их чаши ветхий так глядел Адам,
Что светит в них – не миг, а лишь – когда-то.

Обивка стен – минувшие пиры,
Весь пурпур догоревшего пожара.
Завес тяжелых бархатная чара.

И мертвых лун медяные шары
Да черный ворон с тучевого яра, –
Вот царский мир безумного Эдгара.

НА ПРЕДЕЛЕ

Бесстрастная, своим довольна кругом,
В безбрежности, где нет ни в чем огня,
Бескровная, и сердце леденя,
В лазурности идя как вышним лугом, –

Бездумная, внимая вечным вьюгам,
В бездонности, где целый год нет дня,
Бездушная, ты мучаешь меня,
Луна небес над самым дальним Югом.

Он северней всех северов, тот Юг.
Здесь царство льдин возвышенно-кошмарных,
С вещаньями разрывов их ударных.

Медведь полярный был бы мне здесь друг.
Но жизни нет. Ни заклинаний чарных.
Безрадостный, я втянут в мертвый круг.

НА ЮЖНОМ ПОЛЮСЕ

На Южном полюсе, где льется свет по льдине,
Какого никогда здесь не увидать нам,
И льдяная гора – резной узорный храм,
Что ведом Нилу был и неизвестен ныне, –

Восходит красный шар в безжизненной пустыне,
И льдяная стена, как вызов небесам,
Овита вихрями, их внемлет голосам,
А кровь небесная струится по твердыне.

Но были некогда там пышные сады.
Давно окончилось их жаркое цветенье,
Лишь в красках, чудится, скользят их привиденья.

И в час, когда звезда уходит до звезды,
Еще цветут цветы средь всплесков и боренья
Не забывающей минувшее воды.

БЕЛЫЙ БОГ

Он мне открылся в северном сияньи.
На полюсе. Среди безгласных льдин.
В снегах, где властен белый цвет один.
В потоке звезд. В бездонном их молчаньи.

Его я видел в тихом обаяньи.
В лице отца и в красоте седин.
В качаньи тонких лунных паутин.
Он показал мне лик свой в обещаньи.

Часы идут, меняя тяжесть гирь.
Часы ведут дорогой необманной.
Зачатье наше в мысли первозданной.

На снежной ветке одинок снегирь.
Но алой грудкой, детским сном желанной,
Велит Весне он верить цветотканной.

БЕЛАЯ ПАРЧА

Я выстроил чертог, селение, овин,
Я башню закрепил в стране мечты орлиной,
Но птичка белая, мелькнувши, в миг единый
Открыла гулкий ход для всех окрестных льдин.

Когда ж умолк вдали протяжный шум лавин
И снова свиделась вершина гор с вершиной,
Над побелевшею притихшею равниной
Был уцелевший я, и в днях я был один.

Но в мироздании став зябкою былинкой,
И слушая душой, как мир безбрежный тих,
Всех милых потеряв, я не скорблю о них.

Все прошлое золотой заткалось паутинкой.
И чую, как вверху, снежинка за снежинкой,
Безгласные, поют многолавинный стих.

ПЕВЕЦ

Он пел узывно, уличный певец,
Свой голос единя с игрою струнной,
И жалобой, то нежной, то бурунной,
Роняя звуки, точно дождь колец.

Он завладел вниманьем наконец,
И после песни гневной и перунной
Стал бледен, словно призрак сказки лунной,
Как знак давно порвавшихся сердец.

Явил он и мое той песней сердце.
Заворожен пред стихшею толпой,
Нас всех окутал грустью голубой.

Мы все признали в нем единовеца.
И каждый знал, шепчась с самим собой,

Что тот певец, понявший всех, – слепой.

ГЛУБИННОЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО

Крест золотой могучего собора
Вещательно светился в вышине,
И весь вечерний храм горел в огне,
Как вечером горят верхушки бора.

Что звездный мрак придет еще не скоро,
Об этом пели краски на волне,
Которая, плеснув, легла во сне,
Не пеня больше водного простора.

На паперти коленопреклонен,
Я видел службу, свечи, блеск церковный,
В напев молитв струился с башен звон.

И видел, как в глубинах влаги ровной,
Поверя в свет, прияла темнота
Весь храм могучий с золотом креста.

НА ДНЕ

Покой вещанный. Лес высокоствольный.
Расцвет кустов, горящий кое-где.
Синь-цветик малый в голубой воде,
Камыш и шпажник, свечи грезы вольной.

Обет молчанья, светлый и безбольный.
В немых ночах полет звезды к звезде.
Недвижность трав в размерной череде.
Весь мир – ковчег с дарами напестольный.

И вот, слагая истово персты,
И взор стремя в прозрачные затоны,
Как новый лист, вступивший в лес зеленый, –

Отшельник, там на дне, узнал черты,
В гореньи свеч, родные, вечность взгляда,
Под звон церковей потопленного града.

ОРАРЬ

Когда, качнув орарь, диакон знак дает,
Что певчим время петь, народу – миг моления,
В высотах Божеских в то самое мгновенье,
Кто верен, слышит звон и ангельский полет.

Когда на сотне верст чуть слышно хрустнет лед
В одной проталине, тот звук и дуновенье
Тепла весеннего вещают льду крушенье,
И в солнце в этот миг есть явно зримый мед.

И ветка первая на вербе златоносной,
Пушок свой обнажив, сзывает верных пчел.
Воскресен благовест их ульевидных сел.

Когда ж, когда мой дух, тоскующий и косный,
Увидит вербный свет и веющий орарь.
И Богу песнь споет. Как в оны дни. Как встарь.

СЛУЖИТЕЛЬ

В селе заброшенном во глубине России
Люблю я увидеть поблекшего дьячка.
Завялый стебель он. На пламени цветка
Навеялась зола. Но есть лучи живые.

Когда дрожащий звон напевы вестовые
Шлет всем желающим прийти издалека,
В золе седеющей – мельканье огонька,
И в духе будничном – воскресность литургии.

Чтец неразборчивый, вникая в письма, не
Нетвердым голосом блуждает он по чашам.
Как трогателен он в борении спешащем.

Бог слышит. Бог поймет. Здесь пышность не нужна.
И голос старческий исполнен юной силой,
Упорный свет лия в зов: «Господи, помилуй!»

КОЛОКОЛ

Люблю безмерно колокол церковный.
И вновь как тень войду в холодный храм,
Чтоб вновь живой воды не встретить там,
И вновь домой пойду походкой ровной.

Но правды есть намек первоосновной
В дерзании с высоты пророчить нам,
Что есть другая жизнь, – и я отдам
Все голоса за этот звук верховный.

Гуди своим могучим языком.
Зови дрожаньем грозного металла
Разноязычных эллина и галла.

Буди простор и говори как гром.
Стократно-миллионным червяком
Изваян мир из белого коралла.

ВЕРШИНА

От часа одного лучей и ласки солнца
Забыла вся земля дождливость трех недель.
Внутри перебродил свой срок прождавший хмель,
Шуршит кузнечиков чуть слышно веретенце.

Цветочек желтенький раскрыл жучку оконце,
И тот, смарагдовый, как в мягкую постель,
Забрался в лепестки. Бессмертная кудель
Спешит, отвив, завить живое волоконце.

В лесу зардевшемся повторное «Тук! Тук!».
То не весенний знак. Стучит осенний дятел.
Дней летних гробовщик роняет мерно звук.

Рассказ прочитанный из нежных выпал рук.
Но, если что-нибудь из чары час утратил,
Восторг законченный – вершина всех наук.

СТЕНА

Стена ветвей, зеленая стена,
Для грезы изумрудами светила,
Шуршанием, как дремлющая сила,
Гуденьем пчел, как пышная весна, –

Изваянной волной, как тишина, –
Но, спевши сон зеленый, изменила,
И быстро цвет иной в себя вронила,
Вон, осень там у желтого окна.

Оконце круглым светится топазом.

И будет возрастать оно теперь.
Расширит круг. В листве проломит дверь.

За каждым утром, с каждым новым разом,
Как встанет солнце, будет день потерь.
И глянет все совиным желтым глазом.

МАРС

От полюса до полюса – Пустыня.
Песчаник красный. Мергель желтоцвет.
И синий аспид. Зори прошлых лет.
Зеленых царств отцветшая святыня.

Где жизнь была, там греза смерти ныне.
Горенье охры. Между всех планет
Тот красочный особо виден бред.
Опал. Огонь в опаловой твердыне.

Лишь полюсы еще способны петь
Песнь бытия нетленными снегами.
Весной истаивая, родниками

На красную они ложатся медь.
И говорят через пространства с нами,
Невнятное, играя письменами.

КРОВЬ

В растении смарагдовая кровь,
Особенным послушная законам.
Зеленый лес шумит по горным склонам
Зеленая встает на поле новь.

Но, если час пришел, не прекословь,
И жги рубин за празднеством зеленым.
Сквозя, мелькнуло золото по кленам,
И алый луч затеплила любовь.

Гранатом стал смарагд, перегорая.
В лесу костер цветов и черт излом.
Ковер огней от края и до края.

Не древо ль стало вещим нам узлом?
Любя, наш дух в чертог верховной славы
Вступает – надевая плащ кровавый.

ЗНАКОМЫЙ ШУМ

Знакомый слуху шорох...
Пушкин

Знакомый шум зардевшихся вершин
Смешался с привходящим, незнакомым,
Отдельным звуком, – словно водоемом
Промчался ветер, неся зачатые льдин.

Враждебный слуху шорох. Знак один,
Что новое пришло. Конец истомам,
Что замыкались молнией и громом.
От серых облак пал налет седин.

Тот малый звук, разлуку сердцу спевший,
Не человеческий, нет, не птичий свист,
В шуршаньи ускользящ и сквозист.

Прощальный шорох, первый пожелтевший,
Дожегший жизнь и павший наземь лист,
В паденьи поцелуем всех задевший.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Дождливым летом не было зарниц,
Ни гроз веселых, зноев настоящих.
Июль еще не умер, а уж в чащах
Мерцают пятна, ржавость огневиц.

Не тех верховных, не перунных птиц,
Румянец исхудалых и болящих,
Предельностью поспешною горящих,
Приявших в сердце зарево границ.

И только что заплакал об июле
Росистый август среди пустых полей,
Как ласточки до срока упорхнули.

Зайду ли в рощу, в сад свой загляну ли,
Под острый свист синиц и грусть острей.
Ткань желтая прядется в долгом гуле.

ПО ЗОВУ ВОРОНА

Уж ворон каркал трижды там на крыше,
Глухой, густой, тысячетный зов.
И дальний гул редующих лесов
С паденьем листьев звукомерно тише.

В ветвях – часовни духов, ходы, ниши,
Прорывы, грусть, блужданье голосов.
А в доме громче тиканье часов,
И по углам шуршат в обоях мыши.

Стал мрачным деревенский старый дом.
На всем печать ущерба и потери.
Три месяца в нем не скрипели двери.

Теперь скрипят. И окна под дождем
Со всем живым тоскуют в равной мере,
Как в темных норах зябнущие звери.

СЕНТЯБРЬСКИЕ ОБЛАКА

По облакам, уж разлученным с громом,
На восемь лун, до будущей весны,
Прошло отяжеленье белизны,
Завладеванье всем, кругом, объемом.

Нет места больше тучкам невесомым,
Что, возникая, таяли как сны,
Нет более мгновенной крутизны
Внезапных туч с их огненным изломом.

Где молнийный повторный поцелуй
Преображал громаду тучевую
В разъятый водоем журчащих струй, –

Бесцветный цвет на небе ткань немую
Прядет, ведет. О, ветер! Расколдуй
Ту крышку гроба! Я с землей тоскую!

ИЗЛОМ

Развил свои сверкающие звенья,
Вне скудных чисел, красок, черт и снов.
Румянец хмельный, пирное забвенье

Излил в качанье вяжущих листков.

Раздвинул меж притихших берегов
Сапфира серебристое течение.
Усугубил свободу от оков,
Просвет продвинув силой дуновенья.

Медлительно распространяя даль,
Подвигнул к лету черные дружины,
Построил треугольник журавлиный,

Запаутинил светлую печаль, –
Вселенский, расточающий, изломный,
Измен осенних дух многообъемный.

СОХРАНЕННЫЙ ЯНТАРЬ

Идет к концу сонетное течение.
Душистый и тягуче-сладкий мед
Размерными продленьями течет,
Янтарное узорчато скрепление.

Но не до дна дозволю истечение.
Когда один окончится черед,
И час другой – улов свой пусть сберет.
Янтарь царям угоден как куренье.

Замкнитесь, пчелы, в улей. Час зимы.
Зима во сне – как краткая неделя.
Опять дохнет цветами вздох апреля.

Я вам открою дверцу из тюрьмы.
Шесть полных лун дремоты после хмеля, –
И, знайте, попируем снова мы.

СОУЧАСТНИЦЫ

Пошелестев, заснули до весны,
Хрусталики сложив прозрачных крылий,
Мохнатые сбирательницы пылей
С тех чашечек, где золотые сны.

Умолк тысячекрылый гуд струны.
Средь воска и медвяных изобилий
Спят сонмы. А по храмам – лику лилий
Горенья тысяч свеч посвящены.

Под звон кадил и тихие напевы,
В луче косом качая синий дым,
Идет обедня ходом золотым.

Озарена икона Чистой Девы.
И бледный рой застывших инокинь,
Как лунный сад, расцветный сон пустынь.

ШАЛАЯ

О, шалая! Ты белыми клубами
Несешь и мечешь вздутые снега.
Льешь океан, где скрыты берега,
И вьешься, пляшешь, помыкаешь нами.

Смеешься диким свистом над конями,
Велишь им всюду чувствовать врага.
И страшны вы, оглобли и дуга,
Они храпят дрожащими ноздрями.

Ты сеешь снег воронкою, как пыль.
Мороз крепчает. Сжался лед упруго.
Как будто холод расцвел ковыль.

И цвет его влюбил верченье круга.
Дорожный посох – сломанный костыль,
Коль забавляться пожелает – Вьюга!

ВЕСЬ КРУГ

Весна – улыбка сердца в ясный май
Сквозь изумруд застенчивый апреля,
Весенний сон – пасхальная педеля,
Нам снящийся в минуте древний рай.

И лето – праздник. Блеск идет за край
Мгновения чрез откровенье хмеля.
Бей, пей любовь, звеня, блестя, свиреля.
Миг радостный вдруг вымолвит: «Прощай».

И торжество при сборе винограда
Узнаешь ты в роскошной полноте.
И, гроздь выжав, станешь на черте, –

Заслыша сказ, что завела прохлада.

И будет Вьюга в белой слепоте
Кричать сквозь мир, что больше снов не надо.

НЕРАЗЛУЧИМЫЕ

Среди страниц мучительно любимых,
Написанных искусною рукой,
Прекрасней те, что светятся тоской,
Как светят звезды в далях нелюдимых.

В пожарах дней, в томительных их дымах,
Есть образ незабвенно дорогой.
Она. Одна. На свете нет другой.
Мы двое с ней вовек неразлучимых.

И все же разлучаться мы должны,
Чтоб торопить горячее свиданье,
Всей силою мечты и ожиданья, —

Той мглой, где, расцветая, рдеют сны.
Так в музыке два дальние рыданья
Струят к душе один рассказ струны.

ЗЕРКАЛО

Когда перед тобою глубина,
Себя ты видишь странно отраженным,
Воздушным, тeneвым, преображенным.
В воде душа. Смотри, твоя она.

Не потому ли нас пьянит луна,
И делает весь мир замороженным,
Когда она по пропастям бездонным,
Нам недоступным, вся озарена.

«Я темная, но дальний свет приемлю», —
Она безгласно в мире говорит.
Луна приемлет Солнце и горит.

Отобразенный свет струит на Землю.
В Луне загадка, жемчуг, хризолит.
В ней сонм зеркал волшебный сон творит.

ЛЕБЯЖИЙ ПУХ

Трепещет лист забвенно и устало,
Один меж черных липовых ветвей.
Уж скоро белый дух густых завей
Качнет лебяжим пухом опахала.

Зима идет, а лета было мало.
Лишь раз весной звенел мне соловей.
О, ветер, в сердце вольности навей.
Был скуден мед. Пусть отдохнет и жало.

Прощай, через меня пропевший сад,
Поля, леса, луга, река и дали.
Я с вами видел в творческом кристалле

Игру и соответствия громад.
Есть час, когда цветы и звезды спят,
Зеркальный ток тайком крепит скрижали.

ГАДАНИЕ

В затишье предрассветного досуга,
Когда схолстилась дымка пеленой,
Я зеркало поставил под луной,
Восполненной до завершенья круга.

Я увидал огни в смарагдах луга,
Потом моря с взбешенною волной,
Влюбленного с влюбленною женой,
И целый мир от севера до юга.

И весь простор с востока на закат.
В руке возникла змейность трепетанья.
Мир в зеркале лишь красками богат.

Лишь измененьем в смыслах очертанья.
И вдруг ко мне безбрежное рыданье
С луны излило в сердце жемчуг-скат.

СЕРП

Живущий раною в колдуньях и поэтах,
Снежистый Новолунь явился и погас.
Тогда в тринадцатый и, значит, в первый раз
Зажегся огонь двух свеч, преградой мглы задетых.

С тех пор я вижу все в белесоватых светах,
Мне снится смертный свет – там за улыбкой глаз.
И в мире солнечном ведет полдневный час
Людей не в золото, а в серебро одетых.

Кто знает, тот поймет, что правду говорю,
Тот все ж почувствует, кто не поймет, не зная.
Снежистый серп мягчит и алую зарю.

Во вьюжном декабре, в цветистых играх мая,
Как инокиня я, со взором внутрь, бледна.
Серпом прорезала мне сердце вышина.

ЛУНА ОСЕННЯЯ

Луна осенняя над желтыми листьями
Уже готовящих свой зимний сон дерев
Похожа на ночной чуть слышимый напев.
В котором прошлых дней мы прежние, мы сами.

Мы были цельными, мы стали голосами,
Расцветами цвели и стали ждущий сев.
Тоскуем о любви, к земле отяготев.
Поющую луну мы слушаем глазами.

Среброчеканная безмолвствует река.
Восторги летних дней как будто истощили
Теченье этих вод в играньи влажной пыли.

И стынет, присмирив, безгласная тоска.
Себя не утолив от бывших избытий,
Следим мы, как скользят мгновения в века.

ЛУННАЯ МУЗЫКА

Какою музыкой исполнен небосвод.
Луны восполненной колдующая сила,
Сердцами властвуя, в них кровь заговорила,
И строго-белая торжественно плывет.

Все в мире призрачном повинно знать черед.
Течет каждение из древнего кадила.
Луна осенняя нам сердце остудила,
Без удивления мы встретим снег и лед.

Невозмутимая чета ракии прибрежных
В успокоении не шелохнет листвою,
Признав у ног своих лежащий призрак свой.

А в зеркале воды виденья белоснежных
Воздушных саванов, покров мечты живой,
И вот уж неживой, о днях, как сказка, нежных.

ВЛАДЫЧИЦА

Владычица великой тишины,
Влиянием лазоревой отравы
Узорные заполнила дубравы,
Магнитом подняла хребет волны.

Из пропастей вулканической вышины
Безгласно орошающая травы,
Велела снам сновать и ткать забавы
В черте ветвей и лучевой струны.

Меняет лик в бездонностях пустыни,
Которой свет зеленовато-синь,
Дабы явить измену всех святынь, –

И неизменность вышней их святыни.
Была серпом – и стала кругом ныне.
От лезвия до полноты. Аминь.

ОБЕЛИСК

Когда и шум, и рев, и вой, и крик, и писк
Себя исчерпают с зашестьем светила
Дневных свершенностей, иная зреет сила,
Встает из-за морей серебро-снежистый диск.

На влагу рушенный, трепещет обелиск.
Сияние луны. Вскрываются кадила
Сладимой белены, цветка, что возрастало
Из вышних пропастей паденье лунных брызг.

Всепоходительно-широкое молчанье
Встает из недр Земли, объемлет кругозор
До синих областей продвинувшихся гор.

Теперь, душа, иди до радости венчанья,
Надев, как мир, надел свежительный убор

Из грез, лучей, росы, спокойствия и знания.

ВСТРЕЧА

Она приподнялась с своей постели,
Не поднимая теневых ресниц,
С лицом белее смертью взятых лиц,
Как бы заслыша дальний звон свирели.

Как будто сонмы к бледной спящей пели.
И зов дошел от этих верениц.
Туда. Туда. До призрачных станиц.
Туда. Туда. До древней колыбели.

Густых волос змеиная волна
Упала на незябнущие плечи.
И вся она тянулась как струна.

Звала непобедимо вышина.
Душа ушла к своей венчальной встрече.
Все видела глядящая луна.

НЕВЕСТА

Она стояла в платье подвенечном.
Ее волос змеиная волна,
Как лунная на небе тишина,
В мгновеньях, молча пела песнь о Вечном.

Так вся она горела бесконечным,
Что алая там в сердце пелена
Чрезмерным вспевом прикоснулась дна,
И путь часов Путем помчала Млечным.

Она лежала, лилия мечты.
Нетронутый ее наряд венчальный
Белел недвижно тканью погребальной.

И тонкий серп бездонной высоты
С ней слился в чаровании, зеркальный
Довевя свет на тихие черты.

ВЕНЧАННЫЕ

Когда плывут над лугом луннозвонны
Влияния, которым меры нет,
В душе звездозлатится страстоцвет,
И сладостной он ищет обороны.

Высоты облак вещие амвоны,
Струится притягательный с них свет.
О, сколько древних тысяч прежних лет
Связуются им юноши и жены.

Венчается Господняя раба,
Встречается с душою обрученной,
Ручается, что счастье – быть сожженной.

Венчается со всем, что даст Судьба,
О, чайнье! Ты будешь век со мною: –
Ты венчана с замеченным луною.

УСПОКОЕННАЯ

Ненарушимые положены покровы.
Не знать. Не чувствовать. Не видеть. Не жалеть.
Дворец ли вокруг меня, убогая ли клеть –
Безгласной все равно. Я в таинстве основы.

Поднять уснувшую ничьи не властны ковы.
Чтоб веки сжать плотней и больше не смотреть,
На влажные глаза мне положили медь.
И образок на грудь. В нем свету бирюзовы.

Еще последнее – все сущности Земли
Доносит, изменив – обратных токов мленье.
Звук переходит в свет. Как дым доходит пенье.

Снежинки падают. Растаяли вдали.
Лазурные слова над тайною успенья.
Снега. Завеи снов. Последний луч. Забвенье.

СЛОВО

Я клялся и держать умею слово.
В чем клятва, это знаю только я.
Но до конца в Поэме Бытия
Я буду звуком счастья вновь и снова.

Нет, отчего ласкающего крова
Не омрачит ни словом речь моя.
Свирепы львы, и жалится змея,
Иное мне от солнца золотого.

Я выковал звучнейшую струну.
Был верен молот мой по наковальне,
Когда ж зажглась луна в опочивальне, —

Забыв огонь и солнце, я луну
Любил сполна. И я не обману
Ни ближней красоты, ни самой дальней.

ВЕЧЕР

Когда сполна исчерпаешь свой день,
Работой и восторгом полноценным.
Отраден вечер с ликом мира тенным,
Иходишь сам легко в него как тень.

Он веселился, рьяный конь-игрень,
Он ржал, звеня копытом, в беге ленном.
Зачем бы в миге стал он мига пленным?
Приди, о Ночь, и мглой меня одень.

Из твоего, ко Дню, я вышел мрака.
Я отхожу с великой простотой,
Как тот закат, что медлит над водой.

Зажглась звезда. От Неба ждал я знака.
Как сладко рдеть и ощущать свой пыл.
Как сладко не жалеть, что ты лишь был.

МГНОВЕНИЯ

Мгновенно говорение зарницы.
Но знаем мы, что где-то бирюза
Разорвана, и мечется гроза,
И вьются в туче огненные птицы.

Мгновенно замыкаются ресницы.
И видят все незримое глаза,
Взрастает чудотворная лоза,
И вещи проходят вереницы.

Пусть каждое мгновенье красоты

Возникнет и окончится не в споре,
А так придет, как к нам приходят зори, –

Пришествию свежащей темноты
Безгласно уступая, – чтоб мечты
С морями звезд светились в разговоре.

ОТЧИЙ ДОМ

Забудь обманно-жаркое богатство
Надменных слов, высокомерных дел.
Для каждого означен здесь предел,
Его же не преи́дешь без святотатства.

Нет правды там, где есть хоть тень злорадства.
Но истинно прекрасен тот и смел,
Что пониманье выбрал как удел,
И всех живых прочел умом как братство.

Не спи в ночах. Пролейся в Млечный Путь
Всей силою духовных устремлений.
Ты слышишь, как вольнее дышит грудь.

Любовь сильна. И может протянуть
По всем путям и мракам гроздь рдений.
Там отчий дом. Лишь это не забудь.

ПРИЧАСТИЕ

Наш день окончен в огненном закате,
Наш свет уходит в ночь, где свежий грозд
Рассыпанных по небу дружных звезд
Нас причастит высокой благодати.

Придите миротворческие рати
Алмазных дум. Означься к небу мост.
Я, как дитя, растроган здесь и прост.
Я прям, как белый цвет на горном скате.

День утонул, в котором я любил.
Заря с зарей переглянулись взглядом,
Одна другой добросив водопадом, –

Огни, лучи, цветы, всю мысль, весь пыл.
Сегодня Бог прошел цветущим садом,
И час один я полубогом был.

ТИШИНА

Как тихо проплывают вереницы
Воздушной мглы, там в зеркале, точь-в-точь
Такой же, как вверху уходит прочь,
До тучевой цепляясь станицы.

Как шелест тих прочитанной страницы.
Душа, забыть тоску уполномочь.
Я слышу, как идет чуть слышно Ночь,
Тень медленно мне пала на ресницы.

Все пропасти закрылись синей мглой.
Все бывшее желанию искомым
В душе безгласной строит аналой.

Весь мир сомкнулся храмовым объемом.
Святая Ночь. Я брат. Будь мне сестрой.
Дай млечность снов. И в Вечность путь открой.

ПОСТЕЛЬ

Ты остров снов, пустыня голубая,
В которой лишь густой ветвится хмель,
Моя благословенная постель,
Где начинаю жить я, засыпая.

Сказительница вещего слепая,
Стрелой бесцельной, вечно бьющей в цель,
Ты в сердце заставляешь петь свирель,
И мысль светлеет, в тайнах утопая.

В тебе когда-то был я здесь рожден.
В тебе узнал восторг самозабвенья,
Где кровь уводит в Вечность чрез мгновенье.

С тобой мой самый крайний миг сплетен.
Я сплю. И темный мой ковчег железный
Стал золотым, плывя со звездной бездной.

КОВЕР

Я сплю. А на стене моей ковер.
Он плотно всю затягивает стену.
Я вижу нежных красок перемену.
Деревня. Речка. Лес. Весенний хор.

Там дальше город. Сказочный собор.
Душа глядит. Отдаться рада плену.
В саду качает ветерок вервену.
Луна с звездой ведет переговоры.

Сбегаёт в пропасть влага водопада.
Но пропасть – там. Она ушла за край.
Есть златоосень, если кончен май.

Из белых льдов блистательна ограда.
Она моя. Мне разуместь не надо,
Что там за ней. Я жил. Я сплю. Прощай.

СМЕРТЬ

Я помню, мне четыре было года,
Весна была цветиста и светла,
Когда старушка-няня умерла.
Я был один. И я стоял у входа.

Что значит смерть? Вся искрилась природа.
Но няня спит. И странно так бела.
Унылились вдали колокола.
В село от вас пошла толпа народа.

Я не пошел. На няню посмотрев,
Я в малом сердце ощутил стесненье.
И скрылся в сад. Там птичье было пенье.

И, слушая дерев и птиц напев,
Я думал, что цветы и озаренье –
Действительность, а смерть – лишь заблужденье.

КОЛЬЦА

Ты спишь в земле, любимый мой отец,
Ты спишь, моя родная, непробудно.
И как без вас мне часто в жизни трудно,
Хоть много знаю близких мне сердец.

Я в мире вами. Через вас певец.

Мне ваша правда светит изумрудно.
Однажды духом слившись обоюдно,
Вы уронили звонкий дождь колец.

Они горят. В них золото оправа.
Они поют. И из страны в страну
Иду, вещая солнце и весну.

Но для чего без вас мне эта слава?
Я у реки. Когда же переправа?
И я с любовью кольца вам верну.

ПРОБЛЕСКИ

Возник ли я в кружении столетий,
Что наконец соткали должный час,
Как мысли усложненной яркий сказ,
Как жемчуг, что в искусной найден сети?

И где впервые, на какой планете
Я глянул в Солнце взором тех же глаз?
И здесь, родясь, умру в который раз?
Кто мне ответит на вопросы эти?

Лишь проблески ответа я найду,
И тотчас же их снова утеряю.
В ночи, где снам ни меры нет, ни краю.

И увидав падучую звезду.
Еще в любви. Еще в живом бреду,
Когда любовь я песней измеряю.

ЛЮБИМЫЕ

Мы все любили любящих любимых,
Которым присудил сладчайший стих
Кружиться, неразлучными, двоих,
И в смерти и в любви неразделимых.

Все в снах земли они и в адских дымах,
Две птицы, два крылатых духа, в чьих
Мечтаньях пламень страсти не затих
И там, среди пространств необозримых.

Но, если вечный блеск Франческе дан
Медвяным Данте, с ликом обожженным,

Желанней мне, бретонский сон, Тристан

С Изольдой. Пыткам сердца повторенным
Их предал, их качавший, океан,
Сумевший дать слиянье – разделенным.

ПАНТЕРА

Она пестра, стройна и горяча.
Насытится – и на три дня дремота.
Проснется – и предчувствует. Охота
Ее зовет. Она встает, рыча.

Идет, лениво длинный хвост влача.
А мех ее пятнистый. Позолота
Мерцает в нем. И говорил мне кто-то,
Что взор ее – волшебная свеча.

Дух от нее идет весьма приятный.
Ее воспел среди острых гор грузин,
Всех любящих призывный муэдзин, –

Чей стих – алоэ густо-ароматный.
Как барс, ее он понял лишь один,
Горя зарей кроваво-беззакатной.

БЛЕСК БОЛИ

«Дай сердце мне твое неразделенным»,
Сказала Таризлю Нэстан-Джар.
И столько было в ней глубоких чар,
Что только ею он пребыл зажженным.

Лишь ей он был растерзанным, взметенным,
Лишь к Нэстан-Дарэджан был весь пожар.
Лишь молния стремится такой удар,
Что ей нельзя не быть испепеленным.

О, Нэстан-Джар! О, Нэстан-Дарэджан!
Любовь твоя была как вихрь безумий.
Твой милый был в огне, в жерле, в самуме.

Но высшей боли – блеск сильнейший дан.
Ее пропел, как никогда не пели,
Пронзенным сердцем Шота Руставели.

ДВА ЦВЕТА

Прекрасен рот, как роза, припадая
К другому рту. Прекрасен дар богов.
Румянность крови в рденьи лепестков,
Страсть смотрит в Вечность, в сердце расцветая.

Из капли счастья – Океан без края,
Огонь залил все грани берегов.
Но есть костры, чей огонь белей снегов,
Где дух поет, в отъятости сгорая.

Красив в веках тот звонкий сазандар,
Что сплел ковер из облачной кудели,
Струна любви, пронзенный Руставели.

Красив расцвет лилейно-белых чар,
Снежистый лотос в водной колыбели.
Луна – вдали, как далека – Тамар.

НЕРАЗДЕЛЕННОСТЬ

Приходит миг раздумья. Истомленный,
Вникаешь в полноречивые слова
Канцон медвяных, где едва-едва
Вздыхает голос плоти уязвленной.

Виттория Колонна и влюбленный
В нее Буонаротти. Эти два
Сияния, чья огненность жива
Через столетья, в дали отдаленной.

Любить неразделенно, лишь мечтой.
Любить без поцелуя и объятий.
В благословеньи чувствовать заклатье.

Творец Сибилл, конечно, был святой.
И как бы мог сполна его понять я?
Звезда в мирах постигнута – звездой.

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Всклик «Кто как Бог!» есть имя Михаила.

И ангелом здесь звался. Меж людей
Он был запечатленностью страстей.
В попраньи их его острилась сила.

В деснице Божьей тяжкое кадило,
Гнетущий воздух ладанных огней
Излил душой он сжатою своей.
Она, светясь, себя не осветила.

Стремясь с Земли и от земного прочь,
В суровости он изменил предметы,
И женщины его с другой планеты.

Он возлюбил Молчание и Ночь.
И лунно погасив дневные шумы,
Сибилл и Вещих бросил он в самумы.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Художник с гибким телом леопарда,
А в мудрости – лукавая змея.
Во всех его созданных есть струя,
Дух белладонны, ладана и нарда.

В нем зодчий снов любил певучесть барда.
И маг – о каждой тайне бытия
Шептал, ее качая: «Ты моя».
Не тщетно он зовется Леонардо.

Крылатый был он человеколев.
Еще немного и, глазами рыси
Полеты птиц небесных подсмотрев, –

Он должен был парить и ведать выси.
Среди людских, текущих к Бездне рек,
Им предугадан был Сверхчеловек.

МАРЛО

С блестящей мыслью вышел в путь он рано,
Учюя сочетание примет.
Преобразил в зарю седой рассвет,
Повторной чарой зоркого шамана.

Величием в нем сердце было пьяно.
Он прочитал влияние планет

В судьбе людей. И пламенный поэт
Безбрежный путь увидел Тамерлана.

В нем бывший Фауст более велик,
Чем позднее его изображение.
Борец, что в самом маге низверженья

Хранит в ночи огнем зажженный лик.
И смерть его – пустынно-страстный крик
В безумный век безмерного хотенья.

ШЕКСПИР

Средь инструментов всех волшебней лира: –
В пьянящий звон схватив текучий дым,
В столетьях мы мгновенье закрепим,
И зеркало даем в стихе для мира.

И лучший час в живом веселье пира, –
Когда поет певец, мечтой гоним,
И есть такой, что вот мы вечно с ним,
Пленясь звучным именем Шекспира.

Нагромоздив создания свои,
Как глыбы построений исполина,
Он взнес гнездо, которое орлино, –

И показал все тайники змеи.
Гигант, чей дух – плавучая картина,
Ты – наш, чрез то, что здесь мы все – твои.

КАЛЬДЕРОН

La Vida es Sueño. Жизнь есть сон.
Нет истины иной такой объемной.
От грезы к грезе в сказке полутемной.
Он понял мир, глубокий Кальдерон.

Когда любил, он жарко был влюблен.
В стране, где пламень жизни не заемный,
Он весь был жгучий, солнечный и громный.
Но полюбил пред смертью долгий звон.

Царевич Сэхисмундо. Рассужденье
Земли и Неба, Сына и Отца.
И свет и тень Господнего лица.

Да, жизнь есть сон. И сон – все сновиденья.
Но тот достоин высшего венца,
Кто и во сне не хочет заблужденья.

ЭДГАР ПО

В его глазах фиалкового цвета
Дремал в земном небесно-зоркий дух.
И так его был чуток острый слух,
Что слышал он передвиженья света.

Чу. Ночь идет. Мы только видим это.
Он слышал. И шуршанья Норн-Старух.
И вздох цветка, что на луне потух.
Он ведал все, он, меж людей комета.

И друг безвестный полюбил того,
В ком знанье лада было в хаос влито,
Кто возводил земное в божество.

На смертный холм того, чья боль забыта,
Он положил, любя и чтя его,
Как верный знак кусок метеорита.

ШЕЛЛИ

Из облачка, из воздуха, из грезы,
Из лепестков, лучей и волн морских
Он мог соткать такой дремотный стих,
Что до сих пор там дышит дух мимозы.

И в жизненные был он вброшен грозы,
Но этот вихрь промчался и затих,
А крылья духов, – да, он свеял их
В стихи с огнем столепестковой розы.

Но чаще он не алый – голубой,
Опаловый, зеленый, густо-синий,
Пастух цветов с изогнутой трубой.

Красивый дух, он шел – земной пустыней,
Но к Морю, зная сон, который дан
Вступившим в безграничный Океан.

ВЕЛИКИЙ ОБРЕЧЕННЫЙ

Он чувствовал симфониями света,
Он слиться звал в один плавучий храм –
Прикосновенья, звуки, фимиам,
И шествия, где танцы как примета, –

Всю солнечность, пожар цветов и лета,
Все лунное гаданье по звездам,
И громы тут, и малый лепет там,
Дразненья музыкального расцвета.

Проснуться в Небо, грезя на Земле.
Рассыпав вихри искр в пронзенной мгле,
В гореньи жертвы был он неослабен.

И так он вился в пламенном жерле,
Что в Смерть проснулся с блеском на челе
Безумный эльф, зазыв, звенящий Скрябин.

ЭЛЬФ

Сперва играли лунным светом феи
Мужской диез, и женское бемоль,
Изображали поцелуй и боль.
Журчали справа малые затеи.

Прорвались слева звуки-чародеи.
Запела Воля вскриком слитных воль.
И светлый Эльф, созвучностей король,
Ваял из звуков тонкие камеи.

Завихрил лики в токе звуковом.
Они светились золотом и сталью,
Сменяли радость крайнею печалью.

И шли толпы. И был певучим гром.
И человеку Бог был двойником.
Так Скрябина я видел за роялью.

ЛЕРМОНТОВ

Опальный ангел, с небом разлученный,
Узывный демон, разлюбивший ад,
Ветров и бурь бездомных странный брат,
Душой внимавший песне звезд всезвонной, –

На празднике как призрак похоронный,
В затишьи дней тревожащий набат,
Нет, не случайно он среди громад
Кавказских – миг узнал смертельно-сонный.

Где мог он так красиво умереть,
Как не в горах, где небо в час заката
Расплавленное золото и медь, –

Где ключ, пробившись, должен звонко петь,
Но также должен в плаче пасть со ската,
Чтоб гневно в узкой пропасти греметь.

2

Внимательны ли мы к великим славам,
В которых из миров нездешних свет?
Кольцов, Некрасов, Тютчев, звонкий Фет
За Пушкиным явились величавым.

Но раньше их в сиянии кровавом,
В горени зорь, в сверканьи лучших лет
Людьми был загнан пламенный поэт,
Не захотевший медлить в мире ржавом.

Внимательны ли мы хотя теперь,
Когда с тех пор прошло почти столетье,
И радость или горе должен петь я?

А если мы открыли к свету дверь,
Да будет дух наш солнечен и целен,
Чтоб не был мертвый вновь и вновь застрелен.

3

Он был один, когда душой алкал,
Как пенный конь в разбеге диких гонок.
Он был один, когда, полуребенок,
Он в Байроне своей тоски искал.

В разливе нив и в перстне серых скал,
В игре ручья, чей плеск блестящ и звонок,
В мечте цветочных ласковых коронок
Он видел мед, который отвергал.

Он был один, как смутная комета,
Что головней с пожарища летит,
Вне правила расчисленных орбит.

Нездешнего звала к себе примета
Нездешняя. И сжег свое он лето.
Однажды ли он в смерти был убит?

4

Мы убиваем гения стократно,
Когда рукой его убивши раз,
Вновь затеваем скучный наш рассказ,
Что нам мечта чужда и непонятна.

Есть в мире розы. Дышат ароматно.
Цветут везде. Желают светлых глаз.
Но заняты собой мы каждый час,
Миг встречи душ уходит безвозвратно.

За то, что он, кто был и горд, и смел,
Блуждая сам над сумрачною бездной,
Нам в детстве в душу ангела напел, –

Свершим, сейчас же, сто прекрасных дел,
Он нам блеснет улыбкой многозвездной,
Не покидая вышний свой предел.

ВЯЗЬ

Ты по цветам найдешь дорогу к Раю.
Вячеслав Иванов

1

И ты, кого, по существу, желаю
На жизненных путях встречать везде,
Кому, звездой, любя, пою звезде,
Мне говоришь, что возвращусь я к раю.

Но я, прошедший весь свой путь по маю,
Я, знающий, как холодно воде,
Когда ей воздух шепчет весть о льде,
Твоих желанных слов не понимаю.

Ты говоришь: «Дорога – по цветам».
Но знаешь ли, как страшно изумленье,
Когда подземный стебель стынет – Там?

В земле промерзлой жутки разветвленья.
И все пчела, и все к цветам склонен,
В звененье крыл ввожу церковный звон.

2

Я чувствую, как стынет небосклон,
В бесчисленных возвратах повторений
Все тех же сил, концов, начал, борений,
Отверженных и избранных племен.

То вверх, то вниз, но вечно жизнь есть сон.
Сверженье в бой, чтоб знать всю рьяность рвений,
И ведать, после, счастье замирений.
И снова гул несчетных веретен.

А я? Не совершая ли влюбленье
Цветка в цветок, с зари и до зари
Пчела лишь собирает янтари?

У пчел есть тайны, вне досягновенья.
Мой мед – не мне. Мой воск – на алтари.
Себе хочу лишь одного: Смиренья.

3

Да будут беспредельны восхваленья
Того, что зажигает в сердце жар,
И крайний в сердце нам несет удар,
Клоня ресницы в сумрак усыпленья.

Красив покой безмерный. Бег мгновенья,
Навек запечатленный властью чар.
Красив усопший Месяц, Светозар.
Красивей всех – рыдающее пенье.

Снегами убеленная любовь,
Забыв огонь лобзаний и обиды,
В мерцанье свеч внимает панихиды.

Душа, покорно саван приготовь.
Запрись. Замкнись в снежистую завею,
И ты, кого люблю я и жалею.

ВНЕ ЗНАНИЯ

1

Что знаем мы о мыслях муравья,
И разве говорили мы с пчелою?
Отсюда мы уразумеем Трою,
Но слепы в одиссее Бытия.

Издrevле человеческое я
Признало Месяц, Солнце, гром с грозюю,
Моря и небо с дружной бирюзою,
Но, слушая, не слышит речь ручья.

Паук плетет искусней паутину,
Чем мы шелки. И носит щит с крестом.
Но чем, зачем, куда и как ведом

Тот хищный рыцарь? Он творит картину,
Как мы творим – безвестным нам путем.
Окутан тайной прочною наш дом.

2

И, может быть, что с Богом я ровесник,
И, может быть, что Им я сотворен.
Но что мне в том? Цветок мой – смертный лен.
И каждый миг – мне неизвестный вестник.

Лишь в производном помысл мой – кудесник,
Хоть Божеством мой разум обрамлен.
В мирском пиру, среди живых племен,
Кто б ни был я, я – недовольный местник.

Нет, вольный ветер нам не побратим.
Мы на путях земного рассужденья
По грани ощущения скользим.

Проходит час, мы изменились с ним.
Горим в кострах безбрежного хотенья,
Но наш огонь всегда уходит в дым.

3

Я не люблю унынья и сомненья,
Себя да будет каждый – властелин.
Волшебен зной. Волшебны звоны льдин.
Волшебно все в играньях измененья.

Зачем решать я буду уравненье,
Где слишком много тайных величин?
Тут поступить – достойный путь один:

Пусть стрелу и сердце бросить в пень.

Моя стрела оперена мечтой,
Я для себя достану ей Жар-птицу.
Я написал блестящую страницу.

Я создал слово сказки молодой.
Дети, душа, с доверьем за звездой,
Лети, орел, и догони орлицу.

РАГЛЬ

1

Где вровень с желтым небо густо-сине,
Там, где в песках такая жуть и тишь,
Что, к ним придя, мгновенно замолчишь,
Есть ведьма Рагль, волшебница пустыни.

Наш длинный караван идет к святыне.
Но вдруг – двойное зренье. Видишь – мышь.
Одна, другая, пятая. Глядишь, –
Их сонмы. Каждый лик – лишь в половине.

Бегут десятки тысяч – лишь перёд.
И половинки задние, песками,
Спешат, порочат желтый путь хвостами.

Алла! Алла! Наш путь к тебе идет!
Пусть ведьма Рагль обманам кончит счет.
Дай нам дойти, не отвлекаясь снами!

2

Я знаю, что песок передо мной,
Я доверяюсь зрению верблюда.
Но предо мною ведьмовское чудо,
Колодец, ров с играющей волной.

Он страшен мне бездонной глубиной,
Туда войду, а выйду ли оттуда?
Верблюд идет. Я буду ждать, покуда
Он крепость мне горбатою спиной.

Верблюд прошел. Но влага – предо мною.
И хочется лицом прильнуть к волне.
Плескаться в той студеной глубине.

Конец там будет жажде, отдых зною.
Алла! Алла! Себя ли я укрою
Перед Тобой? Будь милостив ко мне!

3

Как бархат, ночь. Как райский вздох – прохлада.
Потоки звезд. Вольнее караван.
Уж скоро будет отдых верным дан.
Читай молитвы. Только это надо.

Всевышний с нами. С ним избегнем ада.
Нет в мире книг. Лишь есть один Коран,
Росою звезд вовеки осиян.
Чу! Где-то розы возле водоспада.

Поет, журчит и пенится родник.
Недуг окончен зрения двойного.
Молись, чтоб он к тебе не вкрался снова.

Алла акбар! Лишь Бог один велик
Сквозь мглу пустынь ведет Он в радость крова.
Алла! Алла! Я вечный Твой должник!

РЕШЕНИЕ

1

Решеньем Полубога Злополучий,
Два мертвых Солнца в ужасах пространств,
Закон нарушив долгих постояств,
Соотношений грозных бег тягучий, –

Столкнулись, и толчок такой был жгучий,
Что Духи Взрыва в пире буйных пьянств
Соткали новоявленных убранств
Оплот, простертый огненною тучей.

Два Солнца, встретясь в вихре жарких струй,
В пространствах разошлись невозвратно,
Оставив шар из пламени и дыма.

Вот почему нам страшен поцелуй,
Бег семенной и танец волоконца: –
Здесь летопись возникновенья Солнца.

2

Бывает встреча мертвых кораблей,
Там далеко, среди морей полярных.
Меж льдов они затерты светозарных,
Поток пришел, толкнул богатырей.

Они плывут навстречу. Все скорей.
И силою касаний их ударных
Разорван лик сокрытостей кошмарных,
И тонут тайны в бешенстве зыбей.

Так наше Солнце, ставшее светилом
Для всех содружно-огненных планет,
Прияло Смерть, в себя приявши Свет.

И мы пойдем до грани по могилам,
Припоминая по ночам себя,
Когда звезда сорвется, свет дробя.

3

Два мертвых Солнца третье породили,
На миг ожив горением в толчке,
И врозь поплыли в Мировой Реке,
Светило-призрак грезя о Светиле.

Миг встречи их остался в нашей были,
Он явственен в глубоком роднике,
Велит душе знать боль и быть в тоске,
Но чуют в пытке вещей шорох крылий.

О камень, камень – пламень. Жизнь горит.
До сердца сердце – боль и счастье встречи,
Любимая! Два Солнца – нам предтечи.

И каждый павший ниц метеорит
Есть звук из мирозданной долгой речи,
Которая нам быть и жить – велит.

КОНИ

1

Когда еще не ведали оков,
И не было живым – хлыста с уздою,
Звезда перекликалась со звездой,
Задолго до молчания веков.

В пространствах нескончаемых лугов
Кормились в числах, кони, с красотою
Горячей. Словно тучи над водою,
Рождали гул копыта без подков.

Охотились за теми косяками
Стрелки кремневых стрел. Здесь каждый юн.
Застрелен, пожран тысячный табун.

Но тот да будет вечно славим нами,
Кем огненная схвачена волна,
Кто в первый раз вскочил на скакуна.

2

Коварный ли то был полуребенок,
Которому удел был гордый дан
Забросить петлей меткою аркан,
В которой, взыв, забился жеребенок?

Был юный голос зверя остр и звонок,
Был юный зверь от изумленья пьян.
А юноша прямил свой сильный стан,
Начав тысячелетья диких гонок.

А может быть, то был уж зрелый муж,
Который притаился над откосом,
От конских глаз укрыт седым утесом.

Вдруг на коня он соскользнул как уж.
И был как дух. Летел, схватясь за гриву,
Стремя коня к истоме, по обрыву.

3

Их было десять тысяч жеребцов,
Тринадцать тысяч кобылиц красивых.
В разметанных и своевольных гривах
Свистели ветер степей и ветер лугов.

Цвет вороной у жарких был самцов.
У самок красный. С клеткотом, на срывах
Орлы садились. О разливных нивах
Еще не встала мысль в ночах умов.

В ночах де? Только в зорях сердца рдяных
Все были существа. Но вот века
Сомкнулись. Из другого косяка

Явился белый конь в тех страстных странах.

И вмиг, его завидя, вся орда
Заржала гулом, как в разлив вода.

4

Пред ликами, что сгрудились в аравах,
Пред красно-вороной рекой коней,
Где в числах ночь, и в числах жар огней,
В веках начальных, временах не ржавых, —

В гореньи крови, в пламенных забавах.
Где жеребец, с кобылою своей
Любясь, порой хребет ломал у ней,
В невозвратимых полновластных славах, —

В веселии играющих погонь,
С косящимися черными очами,
С дрожащими и дымными ноздрями, —

Откуда встал тот страшный белый конь?
И в чем был страх? Принес ли весть он злую?
Но кони все бежали врассыпную.

5

Как веет ветер в звонах ковыля,
Как небо высоко над ширью степи.
Но древний сон замкнут в безгласном склепе.
Забыла пламя марева Земля.

Как шепчет ветер, пылью шевеля.
Но порваны золотые звенья цепи,
Дух полюбил быть в запертом вертепе,
Межи углами врезались в поля.

В тот страстный край, где черный цвет и красный,
Привавши белый, стихли в пестроте,
Пути заглохли. Лики все не те.

Лишь в час войны, лишь в бое, в час опасный,
На миг в возврате к прежней красоте,
Есть в ржаньи звук, с огнем времен согласный.

ОН И ОНА

Он и она – не два ли разночтенья
Красивого сказания времен?
Два звука, чтоб создать единый звон,
Два атома в законе тяготенья.

Весной в великий праздник всеожженья,
Одною хотью каждый дух взметен.
Друг другом зажжены она и он.
Иль только лишь хотением хотенья?

В весеннее раскрытое окно
Со всех сторон доходят к сердцу звуки,
В них сладость упоительнейшей муки.

Сто тысяч дальних звезд в них зажжено.
И молим мы, ломая розно руки,
Того, что есть по существу одно.

2

Того, что есть по существу одно,
Хотя бы в ликах нам являлось разных,
Но в скрепах утвержденного алмазных,
Желают все. Кем брошено зерно?

Не знаем, и не все ли нам равно.
Мы быть должны в пленяющих соблазнах.
Средь строгих слов дай лепетов несвязных,
В веках тоски шуми веретено.

Седых времен цветущее сказанье,
Как можем не хотеть и не любить?
Опять, скрутив, сплетем живую нить.

И, вновь порвав, для счастья разверзанья,
Направим дух туда, где все темно: –
Нам таинства разоблачает дно.

3

Нам таинство разоблачает дно,
Когда мы всем зажженным страстью телом
Прильнем в любви к безумящим пределам,
И двойственное в цельность сплетено.

Хочу. Люблю. Хотел. Всегда. Давно.
Зачем же сердце с шепотом несмелым
Задумалось над сном оцепенелым,
И пьяностью своей уж не пьяно?

Так это-то заветнейшая тайна?
Дал силе ход, и вот я вдвое слаб.
Тоска ползет глубинно и бескрайно.

Зачем в любви я через вольность раб?
И скучно мне обычное течение
Восторга, созерцанья и мученья.

4

Восторга, созерцанья и мученья
Замкнулась утомительная цепь.
Уж в синюю не выеду я степь,
И слышу колыбельное я пенье.

Баю-баю. Засни для снов, творенье.
Раскрой глаза. Уж кровь сцепилась в лепь.
В комок – мечта. Кипи, душа, свирель,
И жги себя. Не разомкнешь сцепленья.

Но я хотел любви, одной любви.
Заворожен решеньями заклатья,
Через поцелуй я вовлечен в зачатье.

И шепчет дух недобрый: «Нить порви».
Мысль возбраняет жуть посягновенья.
Все в мире знает верное влечение.

5

Все в мире знает верное влечение.
Идут планеты линией орбит,
И весел крот, когда все в мире спит,
И знает путь свой каждое растение.

Бледнеет ландыш в сладкий час цветенья,
Но красный сок им в гроздья ягод влит.
Зачем же ты, тоскующий болид,
Стремишь в ночи бесплодное горенье?

Зачем с лесной колдуньей заодно
Ты собираешь призрачные травы?
Вы оба перед Вечностью не правы.

Упорствуешь. Прийти не суждено
Через волчий сглаз и змейные отравы
К тому, что здесь закончить не дано.

6

К тому, что здесь закончить не дано,
Но что горит мгновенною зарницей,
Что делает тебя крылатой птицей,
Иди, в нем златоцветное руно.

В любви да будет сердце влюблено,
Но, громоздя восторги вереницей,
О, бойся стать как демон бледнолицый,
Не разрушай колосья и гумно.

Безумец, кто дерзает раздробленье.
Предвечна цепь. И страшны острия.
И вечно ль слушать «Твой» или «Твоя»?

Нет счастья в самоволье преступленья.
И в звездный мир, где все озарено,
К звену идет ведущее звено.

7

К звену идет ведущее звено,
И капля к капле росы заблестели,
Чтоб травам было весело в апреле,
И небо было тучами полно.

Огнем верховным будет решено,
Чтоб в должный срок свой молнии запели,
И клочья всей разметанной кудели
Сплетут как мост цветное волокно.

Не скупостью рождается явленье
Волшебных грез, где ярких красок – семь.
Красивы розы после окропленья

Святой водой под знаком искупленья.
Цвет к цвету, к своду радуг всходит темь,
Как буква к букве в слове заключенья.

8

Как буква к букве в слове заключенья,
Как слово к слову в летописи душ,
Священные слова «Жена» и «Муж»
Не требуют от мира освященья.

Луна и солнце льют свои внушенья
В сомкнутый поцелуй. И почему ж
Превыше гор и всех морей и суш
Не вознести лобзанию хваленья?

На всю ли жизнь, на радость ли минут,
Со мной ли ты иль в дальностях разлуки
Люблю тебя. Ты вечно в сердце. Тут.

Всегда к тебе я протираю руки.
Все звезды неба – для твоих колец.
Но в чем же завершающий конец?

9

О, в чем же завершающий конец
Всех восклицаний и острых словечек?
Куда ведут ряды моих ступеней?
Из роз ли я сплетаю твой венец?

От тени к тени, вечный в днях беглец,
Окутан дымной мглой, звездный гений,
Как в песнь солью я разнозвук влюблений,
Я, брат и муж, любовник и отец?

С душой созвездья душу обвенчали.
Но звездный свет горит равно для всех,
Как музыка, как сон, как детский смех.

Мечту с мечтою волны закачали.
И пусть. И пусть. Неведом счастьем грех.
Стремленье двух к объятию – не в печали.

10

Стремленье двух к объятию – не в печали,
И если дух воистину звезда,
Не может тем он ранить никогда,
Что чрез него другие засияли.

Игра многообразная – в опале,
Жемчужно-красных млений череда
Засветит рдяным углем иногда.
Но все огни в одном затрепетали.

С тобой горит звезда, и с той, и с той.
И хорошо, что в высоте пустыни
Сияют звезды, изумрудны, сини, –

И злато-алой светят красотой.
И свет, коль сердце с сердцем счастье знали,
Не в том, чтоб близь опять вернулась к дали.

Не в том, чтоб близь опять вернулась к дали,
 С тобой ли разлучусь я или с ней.
 О, нет, но в умалении огней
 Нам мудрые завет высокий дали.

Есть пламени в ломающемся вале,
 Волна с волной всегда поет звучней,
 Чем больше волн, тем ярче сказка дней,
 Не мы, а Норны эту нить свивали.

Сигурд, люблю Брингильд, люблю Гудрун.
 Я говорю с восторгом и со стоном.
 Я восклицаю долгим звоном струн.

Любовь всегда душе была законом.
 На наших судьбах вырезал резец
 Пасхальную созвездность всех сердец.

Пасхальная созвездность всех сердец,
 Вселенское объятие сознаний,
 Есть лучшее из всех искусств и знаний,
 Другое все – пред золотом свинец.

Лишь тот бедняк, кто, пред собою лжец,
 Не видит правды истинных желаний,
 Судьбинности горений и сгораний,
 И в тусклой мгле томится как чернец.

Ты слышал, как осенние шуршали
 Листы берез? Ты слышал в час ночей
 Безгромное стекание дождей?

Любовь, люби. Дойди из чужедали.
 Я весь любовь. Любовь для жизни всей
 Обещана, занесена в скрижали.

Обещано, занесено в скрижали,
 Что любящий, надеясь вновь и вновь,
 Как званный гость, в лучах войдет в любовь,
 Но горе тем, что в час призыва спали.

Им место в отлученьи и в опале.
 И дом их тьма. И не поет им кровь.
 Душа, светильник брачный приготовь.

Кто любит, он, кто б ни был, звук в хорале.

Любовь моя. Услышь мой правый стих.
Ты вся моя. Лишь мне душа и тело.
Но я тебе не изменил в других.

Душа поет тебя, тобой запела.
Ты свет очей. Ты духов образец.
Любя любовь, творение – Творец.

14

Любя любовь, творение – Творец.
Приняв Огня высокое веленье –
Запев, пропет, другими, вознесенье –
Мы звон, что льется из конца в конец.

Смотри, весна. К нам прилетел скворец.
И жаворонка в жарком взлете пенье
Поет, что солнцу радостно служенье.
Раскройся, Вечность, и плыви, пловец.

Да будем, счастье, в ласковом апреле.
Любовь, любовь, как я люблю тебя,
Любя, мы сердцем радостным сумели

Себя найти, в другом забыв себя.
Нет я, нет ты, одно самозабвенье.
Она и Он – не два ли разночтенья?

15

Он и Она – не два ли разночтенья
Того, что есть по существу одно?
Нам таинства разоблачает дно
Восторга, созерцанья и мученья.

Все в мире знает верное влеченье
К тому, что здесь закончить не дано.
К звену идет ведущее звено,
Как буква к букве в слове заключенья.

Но в чем же завершающий конец
Стремленья двух к объятью? Не в печали.
Не в том, чтоб близь опять вернулась к дали.

Пасхальная созвездность всех сердец
Обещана, занесена в скрижали.
Любя любовь, творение – Творец.

ЗВЕЗДНЫЙ ВИТЯЗЬ

Не бог, но самый сильный брат богов,
Трудов свершитель самых трудных. Кто ты?
Из мира изгонял ты нечистоты.
И, вольный, был содругом всех рабов.

Когда свистит вокруг твоих столбов
Морская буря, порваны темноты.
Ты гидр губил. Но пчел, творящих соты,
Не трогал ты на чашечках цветков.

Ты был как вышний ствол глухого леса.
Но также прясть могла рука твоя.
Когда ж земная порвалась завеса, –

Ты отошел в небесные края.
И солнце мчит себя, мечту тая
Догнать в путях – созвездье Геркулеса.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 5.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>